

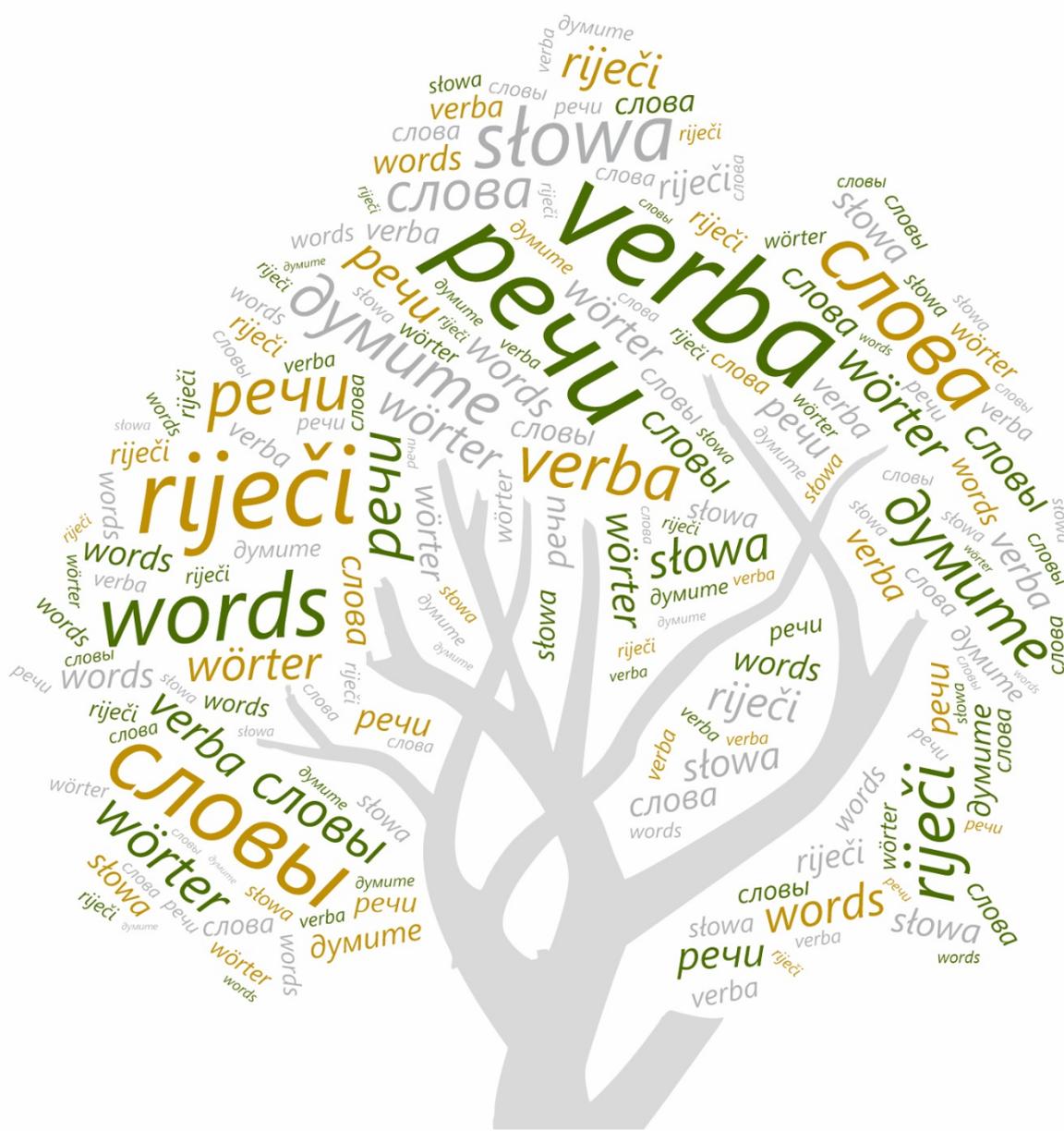

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 1(3) 2022

ISSN 2713-0665 (Online)

Содержание

Content

От главного редактора.....	4	From Editor-in-Chief.....	4
----------------------------	---	---------------------------	---

Проблемы ономастики / Problems of onomastics

Игра статусов: об одном текстообразующем приеме с участием собственных имен (на материале рассказа Татьяны Толстой «Глупости всякие») <i>Н. В. Васильева</i>	8	Status game: a text-building tool involving proper names (based on Tatyana Tolstaya's short story All sorts of Nonsense) <i>N. V. Vasilyeva</i>	8
---	---	--	---

Политическая ономастика

<i>О. А. Ткаченко</i>	18	Political onomastics <i>O. A. Tkachenko</i>	18
-----------------------------	----	--	----

Новые «древние» восточнославянские катойконимы: вторая половина XX – начало XXI в.

<i>М. В. Ахметова</i>	28	New "ancient" East Slavic demonyms: the second half of the XX and the beginning of the XXI century <i>M. V. Akhmetova</i>	28
-----------------------------	----	--	----

Новгородский мотив / Novgorod motive

Водные имена на -ово/-ево в исторических Новгородско-Псковских землях <i>В. Л. Васильев</i>	38	Water names ending with -ovo/-evo in historical Novgorod and Pskov lands <i>V. L. Vasiliev</i>	38
--	----	---	----

Прикладная ономастика / Applied onomastics

Лингвокультурологическое комментирование онима как способ формирования лингвокраеведческой компетенции инофона <i>Л. С. Головина</i>	53	Linguistic and cultural commentary on onyms as a way of forming the linguistic and socio-cultural competence of non-native learners <i>L. S. Golovina</i>	53
---	----	--	----

Молодые голоса / Young voices

Ономастическая «карта» русского рэпа <i>Э. М. Аскерова, А. А. Дивеева</i>	63	Onomastic map of Russian rap lyrics <i>E. M. Askerova, A. A. Diveeva</i>	63
--	----	---	----

От главного редактора

V

Дорогие коллеги,
наши авторы и читатели!

Предлагаемый вашему вниманию номер журнала – первый в 2022 году – посвящен проблемам ономастики. Это лингвистическая дисциплина всегда вызывала интерес как исследователей, так и широкого круга заинтересованных читателей. Опубликованные в журнале статьи показывают, что актуальностью ономастические исследования отмечены и сегодня. Более того, они, как представляется, демонстрируют и специфику современных подходов к ономастическим проблемам, и их неразрывную связь с классикой отечественной ономастики.

В статьях, объединенных в рубрике «Проблемы ономастики», обсуждаются вопросы, которые нельзя не признать важными для ее современного состояния. Так, ключевая проблема ономастики – соотношение онимов и апеллятивов – обсуждается в статье Натальи Владимировны Васильевой, представляющей Институт языкознания РАН и тем самым поддерживающей в нашем журнале уже традиционную для него академическую ноту. Обратив внимание на понятие «акциденция онима», Н.В. Васильева предлагает его теоретическое осмысление и демонстрирует проявления этого свойства онима в оригинальном художественном тексте, в котором использование онимов как апеллятивов становится главным стилистическим приемом. В статье показано, насколько серьезным стилистическим потенциалом обладает статус онима, а значит, как тесно ономастика связана со стилистикой, что составляет важный аспект ее исследования.

Другой теоретически важный момент рассматривается в статье Ольги Анатольевны Ткаченко, которая приводит убедительные факты в пользу того, что современное ономастическое пространство расширяется за счет массы именованных политической сферы коммуникации, что ставит перед исследователями задачи не только осмысления таких процессов, интеграции новых явлений в контекст современной ономастики, но и совершенствования ее понятийного и терминологического аппарата.

Наконец, третья статья в этой рубрике, предложенная известным московским специалистом в области ономастики и других проблем лингвистики Марией Вячеславовной Ахметовой, обращает читателя к той части лексики, которая, будучи производной от онимов и формально лежащей за пределами ономастики, тесно с ней связана и открывает перед исследователем массу интересных вопросов. Реально в статье рассматриваются названия жителей двух городов, в которых, казалось бы, неожиданно «оживают» древние словообразовательные модели. Интересно, как они «чувствуют себя» в современной речевой практике. Об актуальности этого

лингвистического сюжета не стоит и говорить: он не выходит из центра общественного внимания во многих городах, где языковые вкусы и привычки сталкиваются с языковыми тенденциями.

Таким образом, в рубрике «Проблемы ономастики» опубликованы статьи, в которых обсуждаются разные, но действительно актуальные для современной ономастики проблемы, касающиеся расширения ономастического пространства, статуса онимов и лексики, связанной с ними. Разумеется, мы далеки от мысли, что проблемы современной ономастики этим исчерпываются, но их серьезность не вызывает сомнений.

В важной для нашего журнала рубрике «Новгородский мотив» публикуется статья самого известного новгородского топонимиста Валерия Леонидовича Васильева. В ней представлено описание массы новгородских и псковских гидронимов, построенных по модели ойконимов. Приведенные факты заставляют внести уточнение в типологию гидронимической лексики, которой В.Л. Васильев занимается давно и плодотворно, о чем говорит, в частности, его монография «Гидронимия бассейна реки Мсты. Свод названий и анализ микросистем» (М., 2017). Расширение гидронимического пространства – от одной реки до новгородско-псковских земель – углубляет ономастическую перспективу исследования, насыщает наши знания множеством фактов, малоизвестных в связи с их локальной привязанностью.

Справедливости ради стоит сказать, что новгородский мотив начинает звучать уже в статье М.В. Ахметовой: она рассматривает судьбу наименования жителей Старой Руссы – древнейшего и интереснейшего города Новгородской земли.

А «псковский мотив» подхватывается в статье псковского автора – Любви Сергеевны Головиной, которая рассматривает топонимы в прикладном аспекте, точнее – лингводидактическом. Представляется, что статья убедительно показывает значимость онимической лексики в освоении русского языка инофонами и возможности ее включения в дидактическую практику. Сочетание теоретических и прикладных исследований характерно для современной ономастики, и наш журнал не выпадает из этих традиций.

В рубрике «Молодые голоса» выступают самые молодые авторы журнала – череповецкие лингвисты Алина Альбертовна Дивеева и Эльвира Мулкадаровна Аскерова. Об их молодости говорит то, что Алина Альбертовна защитила кандидатскую диссертацию совсем недавно – в апреле 2022 года, а ее соавтор – еще студентка. Молодостью отмечен и объект их исследования – тексты русского рэпа, в которых своеобразно отражается современное ономастическое пространство, что позволяет говорить о «карте» русского рэпа. Свежесть взгляда наших молодых авторов позволяет ввести в научный оборот нетривиальные ономастические факты в поэтических контекстах.

Итак, представляемый номер нашего журнала, как мы надеемся, демонстрирует разнообразие ономастических проблем, новые факты, нетривиальные подходы. Авторы этого номера представляют вузы Северо-Запада (Великий Новгород, Псков, Череповец), Москвы и академический институт. Благодарю всех авторов за отклик на наше приглашение и предоставление качественных статей.

Традиционно сердечно благодарю наших рецензентов – Татьяну Геннадьевну Никитину, Викторию Геннадьевну Дидковскую и Валерия Михайловича Мокиенко. Все они не первый раз помогают журналу держаться высоких научных стандартов.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т.В. Шмелева

Editor-in-Chief's letter

Dear colleagues, our authors and readers!

The issue of the journal presented to your attention — the first in 2022 — is devoted to the problems of onomastics. This linguistic discipline has always attracted the attention of both researchers and a wide range of interested readers. Articles published in the journal show that onomastic research is still relevant today. Moreover, they demonstrate both the specifics of modern approaches to study onomastic problems and their inseparable connection with the classics of Russian onomastics.

The articles grouped under the heading “Problems of Onomastics” discuss issues that cannot but be recognized as important for its current state. Thus, the key problem of onomastics, that is, the ratio of onyms and appellatives, is discussed in the article by Natalya Vladimirovna Vasilyeva, representing the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and thereby supporting the already traditional academic tenor in our journal. Paying attention to the concept of onym *accidentia*, N.V. Vasilyeva presents its theoretical understanding and demonstrates the manifestation of this onym property in the source literary text, where the use of onyms as appellatives becomes the main stylistic device. The article demonstrates how great the stylistic potential is of the status of the onym, which means that onomastics is closely related to stylistics, which is an important aspect of its study.

Another theoretically important aspect is considered in the article by Olga Anatolyevna Tkachenko, who makes valid points in favor of the idea that the modern onomastic space is expanding due to the mass of names of the political communication, which sets the task for researchers not only to comprehend such processes, to integrate new phenomena into the context of modern onomastics, but also to improve its conceptual and terminological apparatus.

And finally, the third article in this section, proposed by the well-known specialist from Moscow in the field of onomastics and other problems of linguistics Maria Vyacheslavovna Akhmetova, draws readers' attention to that part of the vocabulary, which, being a derivative of onyms and formally lying outside of onomastics, is closely connected with it and offers the researcher a lot of interesting questions. The article considers the names of the inhabitants of two cities, in the formation of which ancient word-formation models come to life. It is interesting how they operate in modern speech practice. The relevance of this linguistic case goes without saying: it has always been an important subject of public discussion in many cities where linguistic preferences and habits collide with linguistic trends.

Thus, under the heading “Problems of Onomastics”, there are articles that discuss different and relevant for modern onomastics problems related to the expansion of onomastic space, the status of onyms and vocabulary associated with them. Of course, we do not suppose that the problems of modern onomastics are exhausted by this, but their seriousness is beyond doubt.

An article by Valery Leonidovich Vasiliev, the most famous Novgorod toponymist, is published under the heading “Novgorod Motive”, important for our journal. It presents a description of many Novgorod and Pskov hydronyms built on the model of oikonyms. The facts make it necessary to clarify the typology of hydronymic vocabulary, which V.L. Vasiliev has been working on for a long time and successfully, as evidenced, in particular, by his monograph “Hydronymy of the Msta River Basin. Code of Names and Analysis of Microsystems” (M., 2017). The expansion of the hydronymic space, from a river to the Novgorod-Pskov lands, deepens the onomastic perspective of the research, enhances our knowledge with many facts lesser-known to scientists due to their local attachment.

In fairness, it should be said that the Novgorod motive begins to sound already in the article by M.V. Akhmetova, where she considers the fate of the name of the inhabitants of Staraya Russa — the oldest and most interesting city of the Novgorod land.

And the Pskov motif is picked up in the article of the Pskov author Lyubov Sergeevna Golovina, who considers toponyms in an applied aspect, more precisely, a linguodidactic one. The article convincingly shows the importance of onymic vocabulary in the acquisition of the Russian language by foreign speakers and the possibility of its inclusion in didactic practice. The combination of theoretical and applied research is characteristic of modern onomastics, and our journal does not fall out of these traditions.

The youngest authors of the journal, Cherepovets linguists Alina Albertovna Diveeva and Elvira Mulkadarovna Askerova, speak in the Young Voices section. Their youth is evidenced by the fact that Alina Albertovna defended her Ph.D. thesis quite recently, in April 2022, and her co-author is still a student. The object of their research is also young — the texts of Russian rap, which uniquely reflect the modern onomastic space, which allows us to talk about the map of Russian rap. The freshness of the view of our young authors allows us to introduce non-trivial onomastic facts into the scientific circulation in poetic contexts.

So, the present issue of our journal, we hope, demonstrates a variety of onomastic problems, new facts, non-trivial approaches. The authors of this issue represent universities of the Northwestern Federal District (Veliky Novgorod, Pskov, Cherepovets), Moscow and the academic institution. I thank all the authors for responding to our invitation and providing high-quality articles.

Traditionally, I sincerely thank our reviewers — Tatyana Gennadievna Nikitina, Victoria Gennadievna Didkovskaya and Valery Mikhailovich Mokienko. It is not the first time that all of them help the journal to maintain high scientific standards.

Until we meet again on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ / PROBLEMS OF ONOMASTICS

Игра статусов: об одном текстообразующем приеме с участием собственных имен (на материале рассказа Татьяны Толстой «Глупости всякие»)

Н. В. Васильева

Status game: a text-building tool involving proper names (based on Tatyana Tolstaya's short story *All sorts of Nonsense*)

N. V. Vasilyeva

Наталья Владимировна Васильева – доктор филологических наук; Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

E-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

В статье анализируется текстообразующий прием, состоящий в замене обычных русских слов названиями немецких городов, которые имеют с этими словами разную степень фонетического сходства, но лишены каких-либо грамматических показателей. Тем самым текст рассказа становится полем для языковой игры с комическим эффектом, основанным на бисоциации – взаимодействии двух ментальных и языковых пространств, не имеющих между собой ничего общего. Немецкие топонимы, позиционируемые автором рассказа как «говорящие имена», а на самом деле являющиеся квазисловами, выполняют в тексте функцию, весьма далекую от функций настоящих говорящих имен, а именно функцию деавтоматизации восприятия текста. В статье квазислова классифицируются по степени их сходства с потенциальной русской словоформой, которую они заменяют. Отмечается также роль текстовых подсказок, к которым относится синтаксическая позиция и грамматические показатели рода, позволяющие адресату декодировать зашифрованную в форме иностранного топонима русскую лексему. Для обозначения дрейфующего статуса имени собственного в пространстве текста использовать термин *акциденция онима* как особый фантомный статус имени собственного в тексте, который нельзя описать в традиционных для ономастики терминах *деонимизация*, *апеллятивизация* и *антономасия*. Именно акциденции онима в тексте дают возможности для языковой игры и служат своеобразной «поэтизацией» дискурса.

Ключевые слова: Татьяна Толстая, имя собственное, текстообразующий прием, онимическая игра, бисоциация, акциденция онима

УДК 81.42 + 808.1 + 81.373.2

Natalia V. Vasilyeva – Doctor of Philological Science; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8481-1438

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

The article offers a linguistic analysis of a text-building tool, which consists in replacing Russian words with the names of German cities, which have a varying degree of phonetic similarity with these words and don't have any grammatical markers. In this way, a comic effect arises, based on bisociation – the interaction of two mental and linguistic spaces which have nothing in common. The German toponyms which are positioned by the author of the story as “speaking names”, but are actually quasi-words, perform a function in the text that is very far from the functions of speaking names: such quasi-words de-automatize the perception of the text. In the paper, quasi-words are classified according to their similarity to the potential Russian word-form they replace. The analysis highlights the role of textual hints which include syntactic position and grammatical markers of gender, allowing the addressee to decode the Russian word-form encoded in the form of a foreign toponym. The issue “proper name in lieu of a common noun” in text has not yet been unambiguously solved in onomastics. Therefore, we propose to use the term *onym accidentia* to denote the drifting referential status of a proper name in the text space. *Onym accidentia* refers to the special phantom status of a proper name in the text, which cannot be described in the traditional onomastic terms of *deonymization*, *appellativization*, or *antonomasia*. It is the *onym accidentia* in the text that provides great opportunities for linguistic games and serves as a kind of “poetization” of the discourse.

Keywords: Tatyana Tolstaya, proper name, text-building tool, onymic game, bisociation, *onym accidentia*

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Пара «имя собственное – имя нарицательное» представляет собой оппозицию только в метаязыковом употреблении, например, в словарях лингвистических терминов. В живой речи и в тексте картина бывает иной: нередко случаи, когда лексическая единица не поддается точной атрибуции в качестве *nomen proprium* или *nomen appellativum*. Такое положение дел заставляет задуматься о механизмах взаимодействия двух статусов имени в тексте – проприального и апеллятивного: достаточно ли описывать их в терминах приобретения одного статуса и потери другого, как это принято в ономастике (ср. *онимизация vs. деонимизация, апеллятивизация vs. деапеллятивизация*) или же возможны другие рабочие понятия, позволяющие более детально представить эти процессы. Как это часто бывает, полезный материал для лингвистических размышлений предоставляет художественный текст, особенно такой, который содержит элементы языковой игры.

История вопроса. Хорошо известно, что имена собственные (ИС) являются богатным материалом для реализации категории комического в языке, ср. [Санников, 1999, с. 175-178]. Ономастическая (онимическая) игра выделяется филологами в особый вид языковой игры [Földes, 1996], [Гридина, 2011]. В задачи статьи не входит анализ различных видов языковой игры. Отметим только, что одним из распространенных способов классификации, принятым, в частности, в психолингвистике, является классификация по уровням языка, которые затрагивает языковая игра (фонетический, морфологический, синтаксический) [Горелов, Седов, 2001, с. 180-181]. Одним из условий, обеспечивающих игровой потенциал ИС, является наличие у онима внутренней формы, сходной с апеллятивом. Такой апеллятив, лежащий в основе ИС, некоторые исследователи называют *слово-прототипом* [Санников, 1999, с. 175]. Комический эффект достигается посредством «перехода» семантики слова-прототипа во внутреннюю форму ИС, что обыгрывается, например, в говорящих фамилиях (вспомним персонажей «Недоросля» Д. И. Фонвизина: *Милон, Правдин, Скотинин, Вральман*). Кроме того, определенные разряды ИС имеют характерные форманты, по которым лексическая единица идентифицируется как элемент данного разряда, например, как фамилия. Это позволяет вести языковую игру «в обратном направлении», т.е. от апеллятива к ИС, и ради комического эффекта придумывать для обозначения обычных предметов, состояний и действий т.н. квазионимы (ср. купить *вермутидзе*, бутылка *готовчук*, твою майку пора *выкинштейн*) [Васильева, 2021, с. 189]. Иногда в разговорной речи квазионимически обыгрываются стандартные речевые формулы, ср. нем. неформальное выражение для прощания *tschüssikowski* (с формантом славянских фамилий *-owski*) вместо также неформального *tschüs* 'пока!'. Комический эффект может быть усилен приемом каталогизации, т.е. созданием списков. В качестве примера можно привести игровой список фамилий представителей разных национальностей, отмеченный балансированием на грани литературного языка [Фролова, 2007, с. 251]. Несколько реже встречаются варианты, когда комический эффект возникает от целого текста, построенного на игре с ономастическим и

апеллятивным статусом входящих в него элементов. В этом случае возможно говорить о текстообразующей функции данного приема, что будем нами далее показано.

Хорошо известен – в разных вариантах – так называемый «композиторский» текст, ср.: *Проснулся рано утром, продрал Глазунова. Встал, поел Мясковского с Хренниковым и Сметаной и запил Чайковским. Но тут мне стало Паганини <...>. «Композиторских» текстов в Интернете очень много. Весьма колоритные тексты можно найти, например, на сайтах https://coollingua.blogspot.com/2011/07/blog-post_18.html и <https://stihi.ru/2020/04/01/2182>. Варианты содержат много повторов. В качестве нестандартных отметим следующие сочетания: промок до *Шнитке*; во рту ни *Россини*; сел в *Крейслер*-качалку; чуть не получил *Пуленк* в *Голованова*; на кой *Лядов*. Понимание текста поддерживается в данном случае внутренней формой онимов, «прочитываемых» как имена нарицательные. Склоняемые фамилии имитируют имена существительные с предметным значением; несклоняемая фамилия выступает в этом тексте в предикативной функции. Можно ли считать, что имена собственные переосмысляются как нарицательные с оживлением внутренней формы? Такого мнения придерживается В.З. Санников и приводит в качестве примера еще один текст, который в 60-х гг. прошлого века был размещен в стенгазете «Русист» Института русского языка (в то время АН СССР, в настоящее время РАН) и включал в себя фамилии многих лингвистов-русистов. Вот этот текст (весь курсив источника. – Н.В. Автор предупреждает читателя о неизбежной «отсебятине», естественно возникшей в этом тексте «за давностью лет» [Санников, 1999, с. 178]. Фольклор есть фольклор, в какой бы среде он ни возникал):*

– *Что-то ты сегодня такой не-Веселитский? Или Кручинина заела?*

– *Да вот, совсем я стал Голышенко. Беден как монастырский Крысин. А ведь такой был Добродомов, Панов Пановым, Баринов Бариновым!*

– *Эх, Касаткин! Плюнь ты на Морозову и, как Филин закричит, надень Белошапкову на Шварцкопфа, запряги Коннову в Санникова, протруби в Трубачева и – Ходыкину, Ходакову, Ходорович! До самой Китайгородской! Там, говорят, все Богатовы: Соболевых тьма-тьмушая, а Серебренникова и Золотову Лопатиным гребут!*

– *Да, неплохо бы... Только вот не снесли бы Гловинскую Булатовой!* [Санников 1999: 178].

Переосмысление имен собственных как нарицательных обычно называется *деонимизацией*, и при полной деонимизации оним теряет свой статус и превращается в имя нарицательное (ср. *кольт*, *боливар*, *дизель* и пр.). К деонимизации близок прием *антономасии*, когда ИС используется метафорически для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя имени, ср. *Не хватает сейчас Дон Кихотов, замещают их Росинанты* (А. Вознесенский).

Думается, что приведенные примеры – и текст «про композиторов», и текст из газеты «Русист» – демонстрируют явление не потери, а **травестии** проприального статуса, поскольку формально имена остаются именами – в письменном тексте они

не теряют прописной буквы. Фамилии композиторов, принадлежа к тематическому полю музыки, из-за эффекта «списочности» (неймдроппинга) так там и остаются. В своем тематическом поле остаются во втором примере и имена лингвистов, обеспечивая адресата текста двойной оптикой – условием любого каламбура/шутки.

Методология и методика исследования. В основу метода исследования (точнее, способа рассмотрения единиц в тексте, а также анализа авторского замысла и его исполнения) положено понятие б и с о ц и а ц и и . Термин возник за пределами лингвистики, его автором считается британский писатель Артур Кёстлер [Koestler, 1964]. Кёстлер создал этот термин как бленд (т.н. «слово-чемодан», portmanteau-word), объединив компоненты *би-* ‘два’ и часть слова (ac)социация. Термин с такой прозрачной внутренней формой используется для ситуации, когда новый смысл (новая идея) возникает в результате пересечения не связанных между собой ментальных пространств [Губенко, 2018, с. 95]. В настоящее время понятие бисоциации, а также бисоциативного мышления, бисоциирования активно используется в исследованиях, посвященных техникам креативности (creativity techniques, Kreativitätstechniken), под которыми понимаются методические приемы и подходы, служащие для стимулирования и улучшения процессов генерации идей [Freitag, 2018, s. 171-172], [Губенко, 2018, с. 52 сл.]. Однако бисоциация представляет собой условие не только для креативного генерирования идей, но и для языковой креативности – как источник комического, поскольку в языковой игре, в каламбуре, в шутке происходит столкновение двух миров (языковых и/или ментальных пространств), изначально не имеющих между собой ничего общего. Об эффекте комического двоемирия пишет Т.Б. Радбиль, относя его к сфере прагматики, поскольку этот эффект возникает в воспринимающем сознании [Радбиль, 2017, с. 190].

Анализ материала. Именно такой пример находим в рассказе Татьяны Толстой «Глупости всякие» [Толстая, 2015, с. 286-288]. Рассказ состоит из двух частей, первая из которых содержит некоторую экспозицию, раскрывающую интенцию текста (это важно). Вторая часть представляет собой сам рассказ. Курсивные выделения авторские, о чем автор в первой части сам и сообщает. Приводим этот текст полностью.

Глупости всякие

Вот люди любят собирать говорящие фамилии; я тоже это очень люблю. Фехтовальщик *Кровопусков*, повар *Пригорелых*, начальник военкомата *Забирохин*, врач скорой помощи Антон *Лепило* и многие чудесные другие. Но не менее прекрасны названия городов и сел, особенно иностранные. В прошлом году, намереваясь съездить в Баден-Баден (куда ж еще деваться писателю), я изучала карту Германии и обрадовалась большому количеству говорящих имен. Выписала их себе в столбик. Смотрю – слова сами складываются в рассказик, нравоучительный такой. Названия городов выделены курсивом. Тема – вечная.

Один господин встретил *Дамме* и был *Раден*: *Ах, Ухте* и так далее. Вскоре они поженились, и он был к ней *Добриц*. Жили сначала хорошо: разводили *Цапель*, во дворе у них жил маленький *Пёснекк*, в хлеву – *Овен*.

Но шло *Времен*, жена часто *Родах*, и появились *Деттинген* (целых *Восмер*, и все девочки) с обычными проблемами – то *Моккрена*, то *Какаэль*, то *Горлозен*, а иной раз и *Гнойен*. Тяжело стало жене жить: целый день приходилось ей *Подельциг* – с утра на *Торгау*, а потом целыми днями *Варен*: ели *Раков*, или *Устер*, или *Хек*. Иной раз некогда было *Гребенау* в руки взять: не *Даме*, а домашний *Раб*. Голова *Гудов*, дети *Дерзеков*, а дома завелись *Мольшлебен*, *Мух* и *Клоппенбург*, и это всех *Мучен*.

Вскоре *Паппенхайн* стал раздражаться, что дома такой *Бабенхаузен*, начал ходить в *Бар*, налегать на *Бухлоэ*, стал *Кривиц* и *Грубе*. Жена *Требель* денег, а он не *Даден*, так что она часто *Ревен*, и от слез у нее распухла *Харен*. Муж стал *Хамм*, *Гадебуш* и *Бад-Кольгруб*. *Редичке* он ее теперь *Гладбекк* – видно, *Люббов* прошла.

«*Эхинген*, – часто думала жена, – за что мне такой *Лихен*? Заведу-ка я легкий *Флирш*, наставлю мужу *Рогец*». Как задумала – так и сделала, ударилась в *Блуденц*, стала *Шлюхтерн*, забыла всякий *Острах*. Жизнь ее стала *Клеве*: раньше-то одевалась в *Марль*, а теперь каждый *Любц* дарил ей *Золотурн*, или драгоценный *Камен*, а один *Любарс* купил ей новенький *Мёрс*.

Но тут-то и поджидал ее *Гибельштадт*. Муж увидел подарки, и все ему стало *Ясниц*. Не мог он потерпеть такой *Вреден*: каждый *Мудау* может безнаказанно *Пюхау* его жену, каждый может ее *Бахарах*, а то и *Руппихтерот*! А соседи за спиной *Айхах* и *Хахенбург* над ним, над мужем. Эта мысль причиняла ему *Болльштедт*. Сначала у него была простая *Целль*: нарвать *Вербен* и хорошенько задать ей *Плеттенберг*, да вышло иначе. Как-то вернулся он в свой *Узедом*, заглянул в одну из *Кемнат*, а там – *Ах-Линц*! Очередной *Берен-Любхин* на его собственной кровати *Прирос* к его жене! *Туттлинген* вышла неловкая *Пауза*.

– *Даргун!* – вскричала жена. – *Вер* мне! – Но было поздно. Муж выхватил пистолет, – *Пфраймд!* – и его соперник превратился в хладный *Охтруп*, – даже *Пульсниц* не прощупывался. Увидев, что тот *Уммерштадт*, жена в испуге спряталась *Затруп*. Но и ей пришла *Гибельрот*.

Люденшайд, будьте *Верне* своим супругам!

Сравнение с предыдущими примерами текстов «про композиторов» и «про лингвистов» демонстрирует большую изобретательность Татьяны Толстой. В качестве травестийного материала в этом тексте выступают иноязычные (немецкие) топонимы, собранные с помощью карты достаточно крупного масштаба: это названия небольших городов и коммун, которые вряд ли хорошо известны обычным носителям русского языка. Обратимся к характеристикам текста. Как было отмечено выше, весь рассказ состоит из короткого авторского введения, содержащего «историю вопроса»: объяснение того, как и почему автором был написан следующий «рассказик». Сам «рассказик» имеет объем 1838 знаков и состоит из 362 слов, из которых 88 – те самые «говорящие» топонимы. Прежде чем направить внимание на эти слова, отметим еще один прием, использованный Т. Толстой в самом начале. Это прием-парадокс, задающий перспективу восприятия следующего далее текста с помощью лукавой фразы о «говорящих именах». Любой читатель согласится, что *Кровопусков* – говорящая фамилия. Однако «говорящей» она становится в сочетании со словом-идентификатором *фехтовальщик*. Что такое «говорящие имена» на карте Германии, кому и что они говорят? Не заключается ли в приписывании эти именам свойства «говорить» некий авторский художественный подвох? Рассмотрим, какую

они выполняют функцию в тексте и каким образом достигается бисоциативный эффект.

На наш взгляд, это функция деавтоматизации восприятия. Выстроенный по всем правилам нарративной логики, цельный и завершённый текст лишается автоматизма восприятия из-за 88 вставных ксенономинаций. Являясь для данного текста своеобразными инкрустациями, эти номинации занимают в нем разные синтаксические позиции. Будучи в языке-источнике нормальными словами, в русском тексте они приобретают статус квазислов (т.е. придуманных, «ненастоящих» слов, ср. [Ткаченко, 2009]); их «похожесть» на русские словоформы, включая глагольные, весьма своеобразна. Для рассматриваемого текста можно выделить несколько типов топонимов-квазислов по степени их сходства с потенциальной русской словоформой, которую они заменяют.

1) Полное совпадение немецкого топонима и русской словоформы: домашний *Раб*, разводили *Цапель*, ели *Раков*, в хлеву жил *Овен*, ходить в *Бар*, муж стал *Хамм*, *Прирос* к его жене, неловкая *Пауза*, простая *Целль*. Важно отметить, что Т. Толстая абсолютна честна в формах топонимов, все 88 номинаций действительно представлены в немецкой топонимике (проверенный факт!), что придает словесной игре в рассказе флёр истинности. Например, для перечисленной группы слов это будут такие немецкие топонимы-прототипы: *Raab, Zapel, Rakow, Owen, Vaar, Hamt, Prieros, Pausa, Zell*.

2) Почти полное фонетическое совпадение немецкого топонима и русского слова: шло *Времен*, маленький *Пёснекк*, голова *Гудов*, распухла *Харен*, *Люббов* прошла, легкий *Флирш*, наставить *Рогец*, налегать на *Бухлоэ*, одевалась в *Марль*, драгоценный *Камен*, нарвать *Вербен*, заглянул в одну из *Кемнат*, *Вер* мне, будьте *Верне*. Из перечисленных топонимов самым ярким представителем является, пожалуй, *Бухлоэ*. Поэтому стоит, очевидно, привести этимологию этого немецкого топонима, паронимически (и иронически) совпавшего с русским разговорным словом. Согласно справочному изданию Д. Бергера, топоним *Buchloe*, впервые засвидетельствованный в 1153/1162, представляет собой сложение из двн. *buohna* 'бук' и *lōh* 'кусты, лес, древесина', т.е. этимологически означает 'среди буковых деревьев', 'в буковой роще' [Berger, 1993, s. 67].

3) Аллюзию к русскому слову содержит фрагмент немецкого топонима. Ср. появились *Деттинген* (дети), *Мольшлебен* (моль), *Клоппенбург* (клопы), *Паппенхайм* (папа), ее поджидал *Гибельштадт* (гибель), мысль причиняла ему *Болльштедт* (боль), вернулся в свой *Узедом* (дом), *Туттлинген* (тут), задать *Плеттенберг* (плеть), *Уммерштадт* (умер), пришла *Гибельрот* (гибель), *Люденшайд* (люди). Этот прием «лишней» длины слова стилистически напоминает амплификацию, фигуру прибавления. Амплификация затрудняет восприятие текста, но не лишает адресата возможности это текст понять. Отметим, что аллюзивную роль здесь выполняет начало слова (*Мольшлебен*, *Уммерштадт*, *Гадебуш*, *Гладбекк* и пр.), что объяснимо ролью инициальности как сильной позиции при восприятии текста. Меньше аллюзий в виде финалей (*Бад-Кольгруб*, *Узедом*, *Охтруп*).

Таким образом, для понимания текста рассказа Т. Толстой адресату приходится предпринимать больше ментальных усилий, чем при восприятии текста «про композиторов». Это связано с двумя причинами, каждая из которых основана на феномене узнавания. Во-первых, непросто узнать (опознать, распознать) немецкие топонимы в силу их невхождения в герграфический тезаурус простого русского человека, который и с названиями гораздо более крупных иностранных городов не очень дружит. Для неспециалиста это а г н о н и м ы . Во-вторых, эти агнонимы, т.е. уже сами по себе «трудные слова», оказываются в тексте еще и лишенными грамматических показателей; кроме нескольких случайных «попаданий» в грамматическую форму, они остаются в тексте чужими вставками. Выше обсуждались такие фонетические совпадения. Однако в структуре текста, кроме фонетических, можно обнаружить и некоторые другие подсказки для узнавания скрытого слова.

1) По синтаксической позиции, т.е. по месту члена предложения в структурной схеме предложения. Таким способом в качестве грамматических предикатов распознаются следующие номинации: был *Раден*; жена часто *Родах*; голова *Гудов*, дети *Дерзеков*; это всех *Мучен*; жена *Требель* денег, а он не *Даден*, так что она часто *Ревен*; увидев, что тот *Уммерштадт*.

2) В качестве подсказки используется грамматический показатель рода: шло (ср.р.) *Времен*; маленький (м.р.) *Пёснекк*: ей пришла (ж.р.) *Гибельрот*. Интересно, однако, что *Гибельштадт* в аналогичном смысле (Но тут-то и поджидал ее *Гибельштадт*) предстает как слово мужского рода. По-видимому, трудно переступить через мужской род существующих в русском языке названий с топоформантом *-штадт*.

3) Подсказка в виде звуковых фрагментов (фонестем), связанных с передачей определенных смыслов. Например, фонестема ХА для ситуации смеха, ср. Соседи за спиной *Айхах* и *Хахенбург* над ним; ЛЮБ для обозначения любовных отношений: *Люббов* прошла; каждый *Любц*; один *Любарс*; Очередной *Берен-Любхин*.

4) Декодировать скрытую словоформу помогает группировка квазислов в синкретические блоки, или микрофреймы. Например, фрейм «детские проблемы»: то *Моккрена*, то *Какаэль*, то *Горлозен*, а иной раз и *Гнойен*; фрейм «плохие насекомые»: дома завелись *Мольшлебен*, *Мух* и *Клоппенбург*; фрейм «плохие качества»: Муж стал *Хамм*, *Гадебуш* и *Бад-Кольгруб*.

Заключение. Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям, которые касались характеристик рассмотренного текста и роли в нем ИС. Самой общей характеристикой будет признание аномативности этого текста. Аномативный текст, или к в а з и т е к с т (о других терминах-синонимах см. обзор [Попова, 2012]), может возникать стихийно и сознательно. Сознательно аномативный текст может создаваться либо для дидактических и научных целей (вспомним *Глокую куздру* Л.В. Щербы) либо с целью игры и получения от нее удовольствия. В тексте Татьяны Толстой реализуются последние из перечисленных целей. Игра основана на бисоциативной технике возникновения комического эффекта, связанной с одновременной актуализацией двух ментальных и языковых пространств. В данном случае это пространство нарратива и пространство ксенотопонимов, замещающих в нарративном пространстве обычные слова. Проприальный статус немецких

топонимов претерпевает изменение, которое можно назвать **травестией**, поскольку это не утрата свойства «быть собственным именем», т. е. не деонимизация, а лишь маскировка, «переодевание» в апеллатив. В качестве обратного «переодевания» можно указать на квазионим, употребляемые в качестве шифра для нарицательных слов в фольклорных текстах, ср. *Петан Петанович* как обозначение петуха [Березович, Бондаренко, 2013, с. 127].

Известная фраза Л.В. Щербы была упомянута здесь неслучайно. Текст Татьяны Толстой – это своего рода «антикуздра»: фраза *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка* состоит из словоформ, которые являются носителями грамматического значения; при всей бессмысленности корней грамматически это текст на русском языке. Именно поэтому подобные квазитексты используются психологами для тестирования уровня языковой компетенции и для коррекции языкового развития [Чернов, 2017]. В тексте Толстой квазислова никак не встроены в русскую грамматику, понимание адресатом текста происходит «над грамматикой», в основном с помощью фонетического сходства слов и общего направления наррации.

Завершая статью, вернемся к ее началу. Как было сказано, пара «имя собственное – имя нарицательное» не всегда представляет собой оппозицию. В дискурсе и в тексте взаимодействие двух статусов номинативной единицы – проприального и апеллативного – может происходить не как потеря и приобретение, а как опустошение свойств и травестия качества. Для обозначения дрейфующего статуса имени собственного в пространстве текста представляется подходящим термин *акциденция онима* [Васильева, 2018]. Акциденции онима – это особый фантомный статус имени собственного в тексте, который нельзя описать в традиционных для ономастики терминах *деонимизация*, *апеллативизация* и *автономасия*. Именно акциденции онима в тексте дают большие возможности для языковой игры и служат своеобразной «поэтизацией» дискурса.

Литература

- Березович, Е. Л., & Бондаренко, Е. Д. (2013). «Лексические недоразумения» в сюжете фольклорного текста. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 4 (120), 113–131.
- Васильева, Н. В. (2018). Акциденции онима: к расширению терминологического аппарата ономастики текста. *Ученые записки ВГУ им. П.М. Машерова*, 27, 40-43.
- Васильева Н. В. (2021). *Собственное имя в мире текста*. Изд. 3. М.: ЛЕНАНД.
- Горелов, И. Н., & Седов, К. Ф. (2001). *Основы психолингвистики*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Лабиринт».
- Гридина, Т. А. (2011). Этносоциокультурный контекст ономастической игры. *Политическая лингвистика*, 1, 219–223.
- Губенко, А. В. (2018). *Психологические проблемы творческой деятельности* (интегративный подход). Киев: Издательство «Педагогична думка».
- Попова, Т. В. (2012). Девиантный текст: к проблеме определения. *Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура* (pp. 21–28). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ.
- Радбиль, Т. Б. (2017). *Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры.
- Санников, В. З. (1999). *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.: Языки русской культуры.
- Ткаченко, Н. М. (2009). Стратегии идентификации псевдослова. *Языковое бытие человека и этноса*, 15, 176–178.
- Толстая, Т. (2015). Глупости всякие. In Т. Толстая. *Легкие миры* (с. 286–288). М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- Фролова, О. Е. (2007). *Мир, стоящий за текстом*. М.: Издательство ЛКИ.
- Чернов, Д. Н. (2017). Квазиязык как инструмент изучения языковой компетенции школьников. *Международный научно-исследовательский журнал*, 1–3 (55), 139–140.
- Berger, D. (1993). *Duden. Geographische Namen in Deutschland. Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern*. 2. Auflage. Mannheim e.a.: Dudenverlag.
- Földes, C. (1996). Namensspiele, Spiele mit Namen. In E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Eds.), *Namenforschung / Name Studies / Les noms propres*. Ein internationales Handbuch zur Onomastik (pp. 586-593). Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Freitag, E. (2018). *Lexikon der Kreativität: Grundlagen – Methoden – Begriffe*. Tübingen: Expert Verlag.
- Koestler, A. (1964). *The Act of Creation*. London: Hutchinson.

References

- Berezovich, E. L., & Bondarenko, E. D. (2013). “Lexical misunderstandings” in the plot of a folklore text. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4 (120), 113–131. (In Russian).
- Berger, D. (1993). *Duden. Geographische Namen in Deutschland. Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern*. 2. Auflage. Mannheim e.a.: Dudenverlag.
- Chernov, D. N. (2017). Quasi-language as a tool for studying the language competence of schoolchildren. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 1–3 (55), 139–140. (In Russian).
- Földes, C. (1996). Namensspiele, Spiele mit Namen. In E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Eds.), *Namenforschung / Name Studies / Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik* (pp. 586-593). Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Freitag, E. (2018). *Lexikon der Kreativität: Grundlagen – Methoden – Begriffe*. Tübingen: Expert Verlag.
- Frolova, O. E. (2007). *The World Behind the Text*. Moscow: LKI Publ. (In Russian).
- Gorelov, I. N., & Sedov, K. F. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Labirint Publ. (In Russian).
- Gridina, T. A. (2011). Ethno-Sociocultural Context of Onomastic Game. *Politicheskaia lingvistika*, 1, 219–223. (In Russian).
- Gubenko, A. V. (2018). *Psychological problems of creative activity (integrative approach)*. Kiev: Pedagogichna dumka Publ. (In Russian).
- Koestler, A. (1964). *The Act of Creation*. London: Hutchinson.
- Popova, T. V. (2012). Deviant text: to the problem of definition. *Sovremennye kommunikatsii: Iazyk. Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura* (pp. 21–28). Ekaterinburg. (In Russian).
- Radbil', T. B. (2017). *Language and the world: Paradoxes of mutual reflection*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian).
- Sannikov, V. Z. (1999). *Russian language in the mirror of the language game*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian).
- Tkachenko, N. M. (2009). Strategies of pseudoword identification. *Iazykovoie bytie cheloveka i etnosa*, 15, 176-178. (In Russian).
- Tolstaya, T. (2015). All Sorts of Nonsense. In T. Tolstaya. *Legkie miry* (pp. 286–288). Moscow: AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ. (In Russian).
- Vasilyeva, N. V. (2018). Accidentia of onym: Towards the extension of text-onomastics terminology. *Uchenye zapiski VGU im. P.M. Masherova*, 27, 40-43. (In Russian).
- Vasilyeva, N. V. (2021). *Proper name in the world of text*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Васильева, Н. В. (2022). Игра статусов: об одном текстообразующем приеме с участием собственных имен (на материале рассказа Татьяны Толстой «Глупости всякие»). *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 8–17. DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-8-17

For citation:

Vasilyeva, N.V. (2022). Status game: a text-building tool involving proper names (based on Tatyana Tolstaya's short story All sorts of Nonsense). *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 8–17. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-8-17

Политическая ономастика

О. А. Ткаченко

Political onomastics

О. А. Tkachenko

Ольга Анатольевна Ткаченко – кандидат филологических наук; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: olga.tkachenko88@mail.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

В статье ставится задача определения границ политического ономастикона и предлагается его структурная модель. Показано, что ономастическое пространство постоянно эволюционирует, внутри него обнаруживается новое ономастическое поле – политонимия, представляющее собой совокупность всех наименований общественно-политической жизни – *политонимов*. Предпринята попытка выделить внутри этого поля изолированные ономастические группы с учетом типа объекта, наделенного именем. Отмечено, что каждый фрагмент представляет собой организованную совокупность онимов, характеризующихся рядом лингвистических и экстралингвистических признаков, а также определенными функциями, выполняемыми в политическом дискурсе. При такой классификации политический ономастикон представлен такими общественно-политическими онимами, как *политантропонимы* (имена политических и общественных деятелей), *политоэргонимы* (наименования политических партий и объединений), *политические хремотонимы* (наименования разного рода событий общественно-политического толка), а также *политические (прецедентные) топонимы*. При этом внутри пласта наименований политических событий выделено два типа номинаций: акционимы и актонимы. Показано, что каждый из рассмотренных фрагментов с точки зрения их ономастической природы уникален, демонстрирует ряд структурно-семантических особенностей. Отмечено, что при классификации политического ономастикона можно учитывать параметры как лингвистического, так и экстралингвистического характера: отнесенность имен к определенным языкам, территориям, временным отрезкам, социальным и политическим трансформациям, официальный или неофициальный статус онимов, употребление в рамках внутренней или внешней политики. В выводах отмечается перспективность исследования политического ономастикона с целью расширения научных представлений об этом разряде ономастических единиц и о политической ономастике в целом как отдельном направлении ономастических исследований, намечены общие задачи политической ономастики.

Ключевые слова: политическая ономастика, политонимия, политоним, прецедентный топоним, политантропоним

УДК 81.373.2

Olga A. Tkachenko – Candidate of Philological Sciences; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2302-8922

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

The article aims to determine the boundaries of the political onomasticon and proposes its structural model. It is shown that the onomastic space is constantly evolving, a new onomastic field is found within it – politonymy, which is a combination of all the names of socio-political life – *political onyms*. An attempt was made to single out isolated onymic groups (classes) within this field, taking into account the type of the object endowed with the name. It is noted that each class is an organized set of onyms characterized by a number of linguistic and extralinguistic features, as well as certain functions performed in political discourse. With such a classification, the political onomasticon is represented by such social and political onyms as *political anthroponyms* (names of political and public figures), *political ergonyms* (names of political parties and associations), *political chremonyms* (names of various kinds of socio-political events), as well as *political (precedent) toponyms*. At the same time, two types of nominations are distinguished within the layer of names of political events including geortonyms and actonyms. It is shown that each of the considered layers is unique from the point of view of their onomastic nature and demonstrates a number of structural and semantic features. It is noted that when classifying a political onomasticon, it is possible to take into account the parameters of both linguistic and extralinguistic nature including the attribution of names to certain languages, territories, time periods, social and political transformations, the official or unofficial status of onyms, their use within the framework of domestic or foreign policy. In the conclusion, the prospects of studying the political onomasticon in order to expand scientific ideas about this category of onomastic units and about political onomastics in general as a separate area of onomastic research are pointed out, and the general tasks of political onomastics are outlined.

Keywords: political onomastics, politonymy, political onym, precedent toponym, political, political anthroponym

OECD: 6.02.OY

В **Постановка проблемы.** В современных условиях глобализации и трансформации политических систем очевидным становится процесс политизации общества и медиа. В прессе активно обсуждаются политики, их решения и высказывания, не остаются без внимания и политические партии, а читатели получили возможность принимать участие в дискуссиях. В силу этого обстоятельства политический ономастикон широко представлен антропонимами, именами политических партий, событийными наименованиями и другими номинативными единицами, что вызывает особый интерес исследователей. Так, формируется особое научное направление – *политическая ономастика*.

В связи с этим представляется актуальным в настоящей работе определить границы политического ономастикона и представить его структурную модель. Кроме того, ставится задача представить терминосистему политонимии на основе анализа и обобщения теоретических данных.

Поставленные задачи в первую очередь требуют обращения к ключевому термину ономастических исследований – понятию *ономастическое пространство*, предложенному А.В. Суперанской. Исследователь определяет его как совокупность имен собственных, употребляющихся в языке данного народа для именовании реальных, гипотетических и фантастических объектов [Суперанская и др., 2009, с. 9].

Общеизвестно, что по мере развития общества ономастическое пространство эволюционирует, с появлением новых онимических групп его границы расширяются. Одновременно с расширением внешних контуров ономастического пространства внутри него происходит деление на ономастические поля с характерным набором имен собственных, происходит непрерывная дифференциация обозначаемых объектов по типу объединения и принципам их наименования. Так оно разделяется на антропонимию, зоонимию, топонимию, этнонимию и т.д. Рассмотрение одного из таких фрагментов ономастического пространства, а именно *политонимии*, и составит содержание настоящего исследования.

Что касается предложенного в настоящей работе термина *политонимия*, то нами отмечено единичное упоминание этого понятия в исследовании [Шимкевич, 2019, с. 178]. Его автор, рассматривая процесс эволюции российской традиции именовании партий, использует этот термин в более узком значении, а именно для обозначения совокупности имен политических объединений – политонимов. Мы же обращаемся к термину в более широком понимании и предлагаем рассматривать *политонимию* как совокупность всех наименований общественно-политической жизни. Отметим, что термин *политонимия* не только соответствует регулярной модели образования ономастической терминологии, но и обладает ясной внутренней формой (<др.-греч. πολιτική ‘общественная деятельность’), указывающей на отнесенность номинативных единиц к общественно-политической сфере деятельности.

Общая постановка вопроса предполагает обсуждение следующих вопросов: Какие ономастические классы входят в политонимию? Какие структурно-

семантические особенности демонстрируют онимы каждого класса? Какова специфика политической ономастики?

История вопроса. Проблема объединения онимов в отдельные группы актуальна для современной ономастики, однако исследователям так и не удалось прийти к единому подходу ее решения. Как отмечается в работе [Суперанская, 2012, с. 173], деление ономастического пространства на своеобразные секторы, внутри которых выделяются отдельные зоны, объективно необходимо, поскольку ономастическое пространство в целом труднообозримо. Классификация онимов в ономастике осуществляется по различным признакам: по типам именуемых объектов, по языковой принадлежности, по характеру лексических основ, по формальным показателям, на основе типологической, хронологической, национальной общности имен и т.д. Поскольку попытка представить типологию общественно-политических онимов предпринимается впервые, в основу предложенной нами классификации положен один из ведущих классификационных признаков – тип объекта, наделенного именем.

Прежде чем выделить отдельные группы внутри политического ономастикона, следует упомянуть, что политонимия представлена характерным набором имен собственных, которые по типу обозначаемых объектов относятся к общественно-политической сфере и активно функционируют в политическом дискурсе и политической коммуникации. Исходя из этого, можно выделить следующие группы политонимов: *политантропонимы* (имена политических и общественных деятелей), *политические эргонимы* (наименования политических партий и объединений), политические хрематонимы (наименования разного рода событий общественно-политического толка), а также *политические (прецедентные) топонимы*.

При этом отметим, что предложенный подход не является исчерпывающим, поскольку деление политического ономастикона может принять иной вид, если в основу классификации будут положены такие признаки, как принадлежность названий к определенному временному отрезку, территориям, языкам и т.д.

Методология и методика анализа. Названная проблема требует в первую очередь определения основных классифицирующих признаков ономастического материала разных полей. Так подходы к отбору и описанию принципов классификации онимов строятся вокруг идей, представленных в работах [Ташицкий, 1958], [Жучкевич, 1968], [Суперанская, 2012] и др. При этом типизация политического ономастикона (с учетом имеющихся знаний об объекте и указанных выше классифицирующих признаков) – основной этап работы.

Следующий этап исследования представляет собой раскрытие ономастической природы исследуемых единиц, для этого применялись методы структурного и семантического анализа. Важное место отведено демонстрации особенностей функционирования имен собственных в политическом дискурсе. Основными методами выявления принципов классификации онимов стали метод обобщения теоретических данных и описательный метод. Материал исследования собирался методом извлечения из современных цифровых ресурсов политической коммуникации.

Анализ материала. Материалом исследования послужили русско- и немецкоязычные политонимы. Так на материале двух языков рассмотрим статус, структуру и прагматику наименований общественно-политической жизни.

Основной фрагмент исследуемого ономастического фонда, на наш взгляд, составляют имена политических партий и объединений – *политические эргонимы*. На германском материале в работе [Ткаченко, 2021] нам удалось подробно изучить ономастическую природу таких наименований, особенности их функционирования в политической коммуникации, а также внести определённый вклад в расширение терминологического аппарата политической ономастики за счет включения терминов *политонимическая система, имиджевая функция, диалоговая функция, партийный и электоральный ренейминг*.

Кроме того, в исследовании показано, что имена партий, являясь особым фрагментом ономастического пространства, представляют собой онимическую систему с характерными экстралингвистическими и лингвистическими признаками. Первые представлены национальной принадлежностью, а также временной и территориальной соотнесенностью онимов такого типа, при этом хронотоп – один из основных показателей ономастической системы. К лингвистическим относятся единство онимических моделей, естественная / искусственная природа образования онимов, тип их мотивированности и множественность – наличие первичных и вторичных номинаций. Выявлено, что политэргонимы строятся преимущественно по формуле *термин + оним*, однако для них характерен произвольный выбор номинативной конструкции и термина, что является важной особенностью современных наименований политических объединений: *Sozialliberales Forum* (Социал-либеральный форум), *Bund für Gesamtdeutschland* (Союз всей Германии), *Ab jetzt...Demokratie durch Volksabstimmung* (Отныне...Демократия путем всенародного голосования) и др.

Отдельного внимания заслуживают способы образования кратких форм имен партий, а также набирающие популярность в медиа неофициальные наименования – прозвищные имена и псевдорасшифровки официальных аббревиатурных имен партий. Так, за Христианско- демократическим союзом Германии (CDU) закрепились такие имена: *Mutti-Partei* (партия мамочки), *Club Der Untoten* (Клуб бессмертных) и *Club Der Unfähigen* (Клуб неспособных). Что касается российских наименований партий, то по количеству ироничных расшифровок официальных аббревиатурных наименований лидирует ЛДПР: *Личные Дела Простофилей Разных; Лучший Друг Президента России; Лига Дружных Пенсионеров России; Лучшие Депутаты Подпольной России; Люди Добрые, Помогите. Разбогатеть; Лысый Дядя Продает Родину* и др. Следует сказать, что подобные неофициальные номинации, помимо производимого комического эффекта, обычно метко подчеркивают слабые стороны политических объединений, в них реализуется дискредитирующая функция, негативно-оценочный потенциал таких имен может отрицательно влиять на имидж партии.

Что касается функционального значения политэргонимов, то они выступают как важный инструмент формирования эффективной политической коммуникации. Официальные имена партий в политической коммуникации выполняют имиджевую функцию, направленную на создание и продвижение эффективного политического

бренда путем продуманного нейминга и на восстановление имиджа, за которым, как правило, стоит партийный ренейминг.

Следует отметить, что наименования партий все чаще становятся объектом интереса научного сообщества, рассматриваются такие аспекты номинаций, как их роль в публицистическом дискурсе [Завацкая, 2020], способы образования имен партий [Ларионова, 2017], политэргонимы как маркер идеологических концептов [Тамерьян, Качмазова, 2019] и др.

Следующий фрагмент политического ономастикона представлен *именами участников политической деятельности – политантропонимами*. Антропонимам в политике присуще выраженное функциональное значение. Попадая в оценочный контекст, они выполняют функцию не только обозначения, но и выражения субъективной оценки и эмоциональной характеристики, что приводит к трансформации денотативных значений имен известных политиков. Таким образом, антропонимы в политическом дискурсе способны приобрести оценочные значения.

Отметим, что ассоциативный потенциал имен политических деятелей всегда был выраженным, поскольку личность политика, его поведение, внешний вид, высказывания и действия вызывают определенную реакцию в обществе. Так, ассоциативный ряд имени Ангела Меркель включает обозначения: *лидер Германии, женщина-политик, женщина-канцлер*. Если говорить о эмоционально-оценочных ассоциациях, то ряд будет выглядеть несколько иначе: *мать нации, мамочка, политический долгожитель, девочка с востока, мать Террорезия, канцлер Европы и др.* Из этого можно сделать вывод: политические антропонимы многозначны.

Кроме того, в медиапространстве широко эксплуатируются прозвищные антропонимы. Выступая активными имиджмейкерами, такие имена выполняют преимущество дискредитирующую функцию. Немалая часть таких номинаций собрана в словаре современного жаргона российских политиков и журналистов [Моченов и др., 2003]. В качестве примера приведем прозвищные имена для российского политического деятеля Анатолия Борисовича Чубайса. Так, руководитель госкорпорации «Роснано» получил прозвище *Нанотолый*, а из-за цвета волос часто в медиапространстве политик именуется *Рыжим Толиком*.

Рассматривая наименования политических партий, мы затронули вопрос стратегии переименования таких номинаций, которая общепринято считается одной из популярных форм повышения эффективности политической коммуникации, поскольку такая номинативная трансформация направлена, как правило, на создание и продвижение *нового эффективного политического бренда*. Смена имени политическими деятелями также имеет место быть. Показателен пример смены фамилии бывшим министром регионального развития Санкт-Петербурга Игорем Слюняевым, который незадолго до нового назначения на должность вице-губернатора по вопросам жилищно-коммунального хозяйства официально изменил фамилию на более презентабельную *Албин* [Попов, 2014].

Нельзя не упомянуть о высоком деривационном потенциале таких имен собственных. Образованные от них лексемы в большинстве случаев экспрессивны, отличаются оригинальностью и зачастую негативной коннотаций. Примером такого преобразования может служить глагол *merkeln*, образованный от фамилии бывшего

канцлера Германии и отражающий разочарованность молодых немцев А. Меркель и ее политикой. Издатель словарей немецкого языка Langenscheidt каждый год общается с молодыми пользователями сети и просит их выбрать «слово года», то есть отражающий последние изменения в языке неологизм. В опросах за 2020 год лидирует глагол «merkeln» – «меркелить» со значением «ничего не делать, не принимать никаких решений, не делать никаких заявлений» [Цонева, 2020, с. 201].

Особый фрагмент политического ономастикона составляют наименованиями политических событий. Следует отметить, что исследователи не пришли к единому решению, к какому ономастическому классу следует относить онимы этого типа. В исследованиях [Кнаррова, 1996] и [Хоффман, 2008] они классифицируются как часть хрематонимии, объединяющей классы имен, которые обозначают сформировавшиеся объекты социальной, политической, исторической, культурной и/или экономической структуры общества. Кроме того, они классифицируются как подкласс институционимов (эргонимов) и наименований товаров (прагматонимов) или прочих имен [Walther, 2004, s. 17–19]. Г. Вальтер приводит классификацию возможных подклассов политических событийных имен, выделяя с одной стороны имена народных движений, революций, документов, собраний, войн и военных событий, конфликтов, а с другой – имена договоров и соглашений, конференций и заседаний и др. [Walther, 2004, s. 52]. Схожее деление на подклассы с учетом типа обозначаемого ими объекта представлено в работах [Хоффман, 2008] и [Кнаррова, 1996], где номинации внешних событий (войн, протестов, забастовок, встреч, переговоров, выборов) рассматриваются как *акционимы*, а события, обозначающие политическое планирование или результаты политических процессов (программы, проекты, планы) как *актонимы*. Тогда как в работах [Bauer, 1998, s. 58] и [Brendler A., Brendler S., 2004] имена политических событий рассматриваются как самостоятельный класс имен наряду с антропонимами, топонимами, зоонимами, хрематонимами и др. Исследователь Г. Бауер указывает на то, что данные номинации охватывают «все имена, которые используются для обозначения событий и происшествий в политической сфере» [Bauer 1998, s. 58]. Мы разделяем точку зрения исследователей [Хоффман, 2008] и [Кнаррова, 1996] о необходимости включения наименований политических событий в класс хрематонимии, поскольку участие таких номинаций в общественной жизни максимально. При этом важно разделять политические хрематонимы на акционимы и актонимы.

Надо сказать, что для актонимов характерно наличие вторичной краткой формы и прозвищных номинаций: *закон о тишине* для Закон Московской области от 7 марта 2014 года N 16/2014-ОЗ «Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Московской области» или *fünf Wirtschaftsweisen* (*пять мудрецов экономики*) для Sachverständigenrat zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung (Экспертный совет по оценке общего экономического развития).

Особая роль в процессе образования и распространения новых форм обозначения политических событий отведена медиа, где отмечаются многочисленные аллонимы именных образований, обозначающие одно и то же событие, но существующие независимо друг от друга: *Выход Великобритании из Евросоюза, выход*

Британии из ЕС, выход Соединенного Королевства из Евросоюза, Выход Великобритании из состава ЕС, Brexit, Brexit, и др.

Что касается структуры событийных имен, то они почти не отличаются от апеллятивных словосочетаний, при этом для таких наименований характерно наличие терминологической составляющей. Так, обозначение войн включает в себя такие термины, как *война, вторжение, вооруженный конфликт, война с Ираком, вооруженный конфликт во Вьетнаме (1957 – 1975), корейская война (1950 – 1953), вторая мировая война в Европе, вторжение в Польшу (1 сентября 1939 г.)*. Как видно из представленных примеров популярна структурная модель «термин + топоним».

И наконец последний фрагмент политического ономастикона представлен *политическими (прецедентными) топонимами*, которые выступают в качестве обозначения центра политической власти и государства. Такими политическими символами выступают не только наименования стран и городов (*Москва, Берлин, Китай, Вашингтон и др.*), но и городские объекты: *Кремль, Белый дом, Букингемский дворец* и др. В роли прецедентных имен выступают широко известные топонимы, успешно прошедшие узуализацию в мировом сообществе. Так, топоним *Кремль* закрепился не только в национальном, но и мировом сознании как политический символ, олицетворяющий правящую власть России.

В качестве признаков прецедентных онимов и аргументов самого факта их прецедентности в работе [Левина, 2016] выдвигаются такие параметры, как регулярная воспроизводимость, общеизвестность или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества, прецедентное имя – это всегда имя культурного концепта, неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака, связь с известной ситуацией (прецедентная ситуация), а также связь с метонимией: метонимический характер прецедентности.

Следует сказать, что принято выделять три типа значений топонимов: *дотопонимическое значение* того слова, от которого образовался топоним; собственно *топонимическое* (прямое географическое) значение и *посттопонимическое значение*, то есть ассоциации, связанные с названием в результате знакомства человека с объектом [Никонов, 1965, с. 57–61]. У прецедентных топонимов на первый план выходит именно посттопонимическое – ассоциативное, которое вызывает особый исследовательский интерес.

Кроме того, прецедентность таких наименований выражается в метонимическом переносе значений. Популярным метонимическим употреблением топонимов считается перенос «место-событие». Так, подобную параллель можно увидеть в использовании топонима Афганистан и Сирия как «горячие точки».

Результаты. Таким образом, предприняв попытку классификации политического ономастикона, мы на первое место поставили предметно- номинативный признак, который позволил выделить фрагменты политонимии, представленные политэргонимами и политантропонимами, политическими хремотонимами и прецедентными топонимами. При этом внутри ономастического фонда наименований политических событий выделено два типа номинаций: акционимы и актонимы. Каждый из рассмотренных пластов с точки зрения их ономастической природы уникален, демонстрирует ряд структурно-

семантических особенностей и функций, выполняемых в политической коммуникации.

На наш взгляд, обозначенные вопросы достаточно трудно решить в рамках одной статьи, мы ли лишь наметили пути их решения. В будущем при классификации политического ономастикона можно исходить из отнесенности имен к определенным языкам, территориям, временным отрезкам, социальным и политическим трансформациям, ссылаться на их официальный или неофициальный статус, употребление в рамках внутренней или внешней политики, поскольку такие номинативные единицы обладают в каждой отдельной стране разной весомостью и разной степенью онимизации. Таким образом, параметры, по которым можно классифицировать политонимы, могут быть самыми разнообразными, как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Выводы. Итак, в результате исследования показано, что границы ономастического пространства расширяются, в нем складывается, в частности, ономастика политической сферы, в рамках которой формируются отдельные ономастические классы, каждый из которых представляет собой организованную совокупность онимов, характеризующихся рядом единых структурно-семантических признаков и схожими принципами функционирования в политической коммуникации.

Кроме того, проведенное исследование позволяет определить общие задачи политической ономастики, к которым относится изучение структурно-семантических особенностей онимов политической сферы (терминологической и ономастической составляющих), рассмотрение способов образования кратких форм наименований, исследование механизмов реализации переименования, рассмотрение политонимов как инструмента формирования эффективности политической коммуникации, описание деривационного потенциала таких номинаций, а также раскрытие особенностей функционирования в медиадискуре.

Таким образом, представляется перспективным продолжить изучение политического ономастикона с целью расширения научных представлений об этом разряде ономастических единиц и о политической ономастике в целом как отдельном направлении ономастических исследований.

Литература

- Жучкевич, В. А. (1968). *Общая топонимика*. Минск: изд. 2.
- Завацкая, В. В. (2020). Роль политонимов в англоязычном и италияязычном публицистическом дискурсе. Материалы VII Международной научно-практической конференции, с. 168-172.
- Ларионова, М. В. (2017). Новые политические партии Испании: новаторские игры имяобразования. *Филологические науки в МГИМО*. №4 (12), с. 21-29. Электронный ресурс https://mgimo.ru/library/publications/novye_politicheskie_partii_ishpanii_novatorskie_igry_imyaobrazovaniya/
- Левина, Э. М. (2016). Может ли быть прецедентным топоним? *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, № 4 (58), С. 115—119. Электронный ресурс <https://www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/32.html>
- Моченов, А. В. и др. (2003). *Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 256 с.
- Никонов, В. А. (1965). *Введение в топонимику*. Москва: Наука.
- Попов, С. А. (2014). Политическая ономастика: Игорь Слюняев будет работать в Смольном под Фамилией Албин. *Ономастика России*. Электронный ресурс <https://onomastika.ru/news/368>
- Суперанская, А. В. (2012). *Общая теория имени собственного*. Изд. 4-е, испр. Москва: книжный дом «Либроком», 368 с.
- Суперанская, А. В. и др. (2009). Теория и методика ономастических исследований. Москва: изд. 3-е книжный дом, «Либроком», 256 с.
- Тамерьян, Т. Ю., & Качмазова, А. У. (2019). Названия партий как маркер идеологических концептов политического дискурса. *Политическая лингвистика*. № 6 (78), с. 110-115. Электронный ресурс <https://www.politlinguistika.ru/jour/article/view/253>
- Ташицкий, В. А. (1962). Место ономастики среди других гуманитарных наук. *Вопросы языкознания*. М., № 2.
- Ткаченко, О. А. (2021). Ономастика политической сферы: наименования политических партий современной Германии: автореф. дис... канд. филол. наук. Великий Новгород, 26 с.
- Цонева, Л. М. (2020). Ономастическая игра в медиаобразе Ангелы Меркель. *Уральский филологический вестник*, № 2, с. 199-206. Электронный ресурс <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/13522>
- Шимкевич, Н. В. (2019). Эволюция русской политонимии в новейшее время. *Вопросы ономастики*. Т. 16, № 2, с. 178-198. Электронный ресурс <http://onomastics.ru/content/2019-t-16-%E2%84%962-7>
- Хоффманн, Э. (2008). Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации. *Вопросы*

References

- Bauer, G. (1998). *Deutsche Namenkunde*. Berlin. (in German)
- Brendler, A., & Brendler, S. (2004). *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik*. Hamburg. (in German)
- Hoffmann, E. (2008). Names of political events and their onymization in the media. *Voprosy onomastiki*. no. 5. pp. 90–104. (In Russian). Retrieved from: <http://www.onomastics.ru/content/2008-%E2%84%961-5>
- Knappova, M. (1996). *Namen von Sachen (Chrematonymie)*. *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik*. Berlin, N. Y., p. 1567–1572. (in German)
- Larionova, M. V. (2017). The New Political Parties of Spain: Innovative Name Formation Games. *Philological Sciences at MGIMO*, no. 4 (12), pp. 21–29. (In Russian). Retrieved from: https://mgimo.ru/library/publications/novye_politicheskie_partii_ishpanii_novatorskie_igry_imyaobrazovaniya/
- Levina, E. M. (2016). Can a toponym be precedent? *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Тамбов: Gramota, no. 4 (58), pp. 115–119. (In Russian). Retrieved from: <https://www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/32.html>
- Mochenov, A. V., et al. (2003). *Dictionary of modern jargon of Russian politicians and journalists*. Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 256 p. (In Russian)
- Nikonov, V. A. (1965). *Introduction to toponymy*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Popov, S. A. (2014). Political onomastics: Igor Slyunyaev will work in Smolny under the Surname Albin. *Onomastics of Russia*. (In Russian). Retrieved from: <https://onomastika.ru/news/368>
- Shimkevich, N. V. (2019). Evolution of Russian Politonymy in Post-Soviet Era. *Voprosy onomastiki*, T. 16, no. 2, p. 178–198. Retrieved from: <http://onomastics.ru/content/2019-t-16-%E2%84%962-7>
- Superanskaya, A. V. (2012). *General theory of proper name*. Izd. 4-e, ispr. Moscow: Librokom, 368 p. (In Russian)
- Superanskaya, A. V., et al. (2009). *Theory and methodology of onomastic research*. Moscow: Librokom, 256 p. (In Russian)
- Tameryan, T. Yu., & Kachmazova, A. U. (2019). Party names as markers of ideological concepts of political discourse. *Political linguistics*, no. 6 (78), pp. 110-115. (In Russian). Retrieved from: <https://www.politlinguistika.ru/jour/article/view/253>
- Tashicky, V. A. (1962). The place of onomastics among other humanities. *Questions of linguistics*. Moscow, no. 2. (In Russian)
- Tkachenko, O. A. (2021). Onomastics of the political sphere: the names of the political parties of modern Germany: abstract ... dis. can. philol. sciences. Veliky Novgorod, 26 p. (In Russian)
- Tsoneva, L. M. (2020). Onomastic play in the media image of Angela Merkel. *Ural Philological Bulletin*, no. 2, pp. 199–206. (In Russian). Retrieved from: <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/13522>

ономастики. № 5. с. 90-104. Электронный ресурс <http://www.onomastics.ru/content/2008-%E2%84%961-5>

Bauer, G. (1998). *Deutsche Namenkunde*. Berlin.

Brendler, A., & Brendler, S. (2004). *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik*. Hamburg.

Knappova, M. (1996). Namen von Sachen (Chrematonymie). *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik*. Berlin, N. Y., p. 1567–1572.

Walther, H. (2004). *Namenkunde und geschichtliche Landeskunde*. Leipzig.

Walther, H. (2004). *Namenkunde und geschichtliche Landeskunde*. Leipzig. (in German)

Zavackaya, V. V. (2020). The role of polytonyms in English and Italian journalistic discourse. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, pp. 168–172. (In Russian)

Zhuchkevich, V. A. (1968). General toponymy. Minsk: izd. 2. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Ткаченко, О. А. (2022). Политическая ономастика. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 18–27. DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-18-27

For citation:

Tkachenko, O. A. (2022). Political onomastics. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 18–27. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-18-27

Новые «древние» восточнославянские катойконимы: вторая половина XX – начало XXI в.

М. В. Ахметова

New “ancient” East Slavic demonyms: the second half of the XX and the beginning of the XXI century

M. V. Akhmetova

Мария Вячеславовна Ахметова – кандидат филологических наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: malinxi@rambler.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

В статье анализируется функционирование названий жителей (катойконимов), появившихся в XX в. и имеющих вид древних в силу архаичной словообразовательной модели или культурных ассоциаций. Рассматриваются названия жителей Ярославля *ярославичи* (мн. ч. муж. р.), *ярославна* (ед. ч. ж. р.) и жителей Витебска *витьбичи* (рус.) / *віцьбічы* (белорус.) (мн. ч. муж. р.). Предлагается гипотеза, согласно которой трансонимизация антропонима *Ярославна*, результатом которой стало появление катойконима *ярославна*, была обусловлена возникновением в 1963 г. соответствующего эпитета, именующего первую женщину-космонавта В. В. Терешкову, уроженку Ярославской земли. Распространение в локальном узусе названия *ярославна* в качестве актуального катойконима повлекло за собой конструирование названия *ярославичи*, используемого, впрочем, в ограниченных репрезентационных контекстах. Название *витьбичи* / *віцьбічы*, именующее прежде всего древнейшее население Витебщины, начинает использоваться прежде всего в литературных текстах после 1973 г., в редких случаях позиционируясь как альтернативное на фоне конкуренции исконного *витебляне* (белорус. *віцябляне*) и *витебчане* (белорус. *віцябчане*). Очерчивается социокультурный фон, как общесоветский, обусловивший престижность и вообще востребованность подобных «древних» названий во второй половине XX в., так и локальный, способствующий их актуализации (в частности, ситуация празднования юбилеев древних городов). Делается вывод о том, что подобные катойконимы могут определенное время функционировать ограниченно, в частности, в качестве возвышенных поэтических имен. Их усвоение узусом в качестве актуальных названий жителей зависит от дополнительных условий.

Ключевые слова: катойконимы, названия жителей, словообразование, деривация

УДК 81.371

Maria V. Akhmetova – Candidate of Philological Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2543-9349

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

The article analyzes the functioning of the names of residents (demonyms) which have appeared in the 20th century and at the same time have ancient forms due to an archaic word-formation pattern or some cultural associations. The names of Yaroslavl residents, including *yaroslavichi* (pl. masc.), *yaroslavna* (sing. fem.), and Vitebsk residents, including *vit'bichi* (Rus.) / *vits'bichy* (Belarus.) (pl. masc.), are discussed. According to the author's hypothesis, transonymization of the anthroponym *Yaroslavna*, which resulted in the appearance of the demonym *yaroslavna*, was due to the emergence, in 1963, of the eponymous epithet as the periphrastic name of the first female cosmonaut V. V. Tereshkova, a native of the Yaroslavl land. The distribution of the name *yaroslavna* in local usage as an actual demonym led to the building of the onym *yaroslavichi* which is used, however, in limited representational contexts. The demonym *vit'bichi* / *vits'bichy*, which primarily names the ancient population of the Vitebsk land, came into literary usage after 1973, in rare cases being positioned as an alternative name in the situation concurrence between the ancient *vitebliane* (Rus.) / *vitsiabliane* (Belarus.) and *vitebchane* (Rus.) / *vitsiabchane* (Belarus.). The author outlines sociocultural background, both the all-Soviet one which determined the prestige and general demand for such ancient names in the second half of the 20th century, and the local one which contributes to their actualization (in particular, the situation of celebrating the anniversaries of ancient cities). It is concluded that the functioning of such ancient demonyms can be limited, in particular, when they are used as sublime poetic names. Their coming into usage as actual names of residents depends on additional conditions.

Keywords: demonyms, names of residents, word formation, derivation

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Данная статья посвящена появившимся в XX в. восточнославянским оттопонимным дериватам – названиям жителей населенных пунктов (катойконимам), – которые имплицитно или эксплицитно претендуют на обладание признаком древности.

История вопроса. Престижность русской/славянской архаики в середине – второй половине XX в. во много обусловлена идеологическими умонастроениями эпохи. За патриотическим поворотом конца 1930-х – периода Великой Отечественной войны – в советском общественном дискурсе последовало обращение к «риторике малой родины», «вступление на идеологическую арену локализма, голоса “мест”» [Сандомирская, 2001, с. 20–21]. Указанные локалистские тенденции далее разворачивались на социокультурном фоне, связанном с позднесоветским традиционалистским поворотом 1960–1970-х годов. Обращение к национальной традиции, в частности русской (и, шире, славянской), затронуло общество «развитого социализма» практически на всех уровнях, обусловив одновременно конструирование «сверху» псевдоэтнической обрядности, рост роли музеев, краеведения и архивов в культурной жизни, развитие реставраторства, «моду на простонародность», возникновение неподцензурного «неопочвенничества» и мн. др. (см., например: [Шнирельман, 2012, с. 97–104; Разуvalова, 2015, с. 17–25, 48–59]). Эти процессы повлияли и на ономастическую ситуацию, в частности, на функционирование катойконимов. Так, именно в 1960–1970-е годы в Старой Руссе началась ограниченная реактуализация забытого древнейшего названия *рушане*, в эргонимии г. Калинина (бывшей Твери) появляются откатойконимные собственные имена (ансамбль «Тверичане», ВИА «Тверичи» и т. д.) [Ахметова, 2018, с. 311; 2019].

Наряду с частичным возрождением старых катойконимов, можно отметить и такую примечательную тенденцию, как конструирование и популяризация названий новых – при этом построенных по архаичным славянским моделям. В данном случае, например, характерно следующее мемуарное свидетельство о писателе, драматурге и журналисте В. В. Овечкине, в 1948 г. переселившемся с семьей в Львов: *...отец задался вопросом: «Так кто же мы теперь – львовцы, львовичи или львовяне?». Сошлись на том, что львовичи. Звучит привлекательно, как-то по-былинному* [Овечкин, 2015, с. 89]. Название *львовичи* (как, впрочем, и заведомо пародийное *львовяне*, и **льговяне* – если в предыдущем названии была допущена опечатка) в словарях не отмечено, так что весьма вероятно самостоятельное конструирование номинаций, и выбор самого «привлекательного» названия очень показателен. Называться «по-былинному» – значит заявлять о древности места, в котором живут именуемые, значит подчеркивать свою связь с древнерусской историей.

Далее будут рассмотрены два случая, связанные с функционированием такого рода «былинных» названий, появившихся в XX в.: жен. р. *ярославна*, мн. ч. муж. р. *ярославичи* (Ярославль) и мн. ч. муж. р. *віцьбічы* (белорус.) / *витьбичи* (рус.) (Витебск).

Методология и методика исследования. Анализируется использование указанных катойконимов в печати (СМИ, художественной и публицистической литературе) с 1960-х годов до начала XXI в. Предварительный отбор литературного

материала осуществлялся при помощи сервиса Google.Books. Для поиска словоупотребления в жен. р. *ярославна* производился сплошной просмотр ярославских газет «Северный рабочий» и «Юность» за 1960–1980-е годы, выход которых был приурочен к празднованию Международного женского дня (соответственно, в этих материалах было ожидаемо использование названий жительниц-женщин), а также выпуски за июнь – август 1963 г. (о причинах выбора этого периода см. далее). На основе качественного контент-анализа выявляются особенности функционирования данных названий.

Анализ материала и результаты исследования

Случай 1: *ярославна, ярославичи*. Название жительницы Ярославля *ярославна*, последние десятилетия использующееся в местных СМИ, литературе и повседневном узусе, не находит отражения в словарях (в которых отмечено лишь *ярославка*, см., например: [Городецкая, Левашов, 2003, с. 344]) и уникально тем, что образовано по модели, свойственной не для катойконимов, а для антропонимов. Представляется, что его вхождению в узус (либо популяризации) во второй половине XX в. способствовали определенные «внешние» обстоятельства.

Ярославна – антропоним, ставший прецедентным благодаря древнерусскому «Слову о полку Игореве». Благодаря популярности данного литературного образа оним вошел в русский ономастикон в качестве женского имени [Суслова, Суперанская, 1991, с. 99], хотя в «Слове о полку Игореве» *Ярославна* – не личное имя, а отчество героини. Не имея изначального отношения к Ярославлю, этот оним опосредованно связывается с территорией в 1960-е годы в контексте полета в космос В. В. Терешковой – уроженки Ярославской области, чьи юные и молодые годы прошли в Ярославле.

Благодаря семантике патронимического форманта в имени *Ярославна* становится возможным перенос: ‘дочь Ярослава’ > ‘уроженка, «дочь» Ярославля / Ярославской земли’ (в соответствии с распространенной риторической моделью, устанавливающей отношения метафорического родства между территорией — родиной, местом жительства — и ее жителем). В результате *Ярославна* становится перифрастическим именованьем первой женщины-космонавта – по преимуществу в локальном контексте, но не только. Этот эпитет активно используется в местных газетах (например: *...из Ярославля нескончаемым потоком идут поздравления, приветствия, пожелания – и в каждом родное имя – «нашей Вале, Ярославне»* (Юность, 19.06.1963); *Как бы высоко ни поднималась наша Чайка, наша Ярославна, она никогда не теряла неразрывной связи с Ярославской землей* (Северный край, 3.03.1977) и т. д.), в стихах, написанных как известными советскими поэтами (например, полету Терешковой посвящены стихотворения Екатерины Шевелевой и Марка Лисянского, озаглавленные «Ярославна»), так и местными авторами (например, строки из стихотворения П. Быкова: *Спасибо, землячка, / Привет, Ярославна!* [Усов, 1963, с. 93]). Упоминается это именованье и в краеведческой литературе, например, в путеводителе по Ярославлю: *...самыми родными, близкими и душевными [эпитетами] для ярославцев были слова – наша Валя, наша Ярославна* [Козлов и др., 1971, с. 36].

В 1972 г. на телевизионном фестивале «Песня-1972» на всю страну прозвучала песня «Ярославия» (слова Л. И. Ошанина, музыка П. К. Аедоницкого) со строками: *Как зовут тебя, Ярославна? / Ярославна моя, постой; Ярославна, тебя я славлю, / Славлю землю твою в цвету, / Славлю молодость Ярославля, / Нашу русскую красоту* (журнал «Крестьянка», 4-я страница обложки: приложение к публикации [Ошанин, 1973]). Судя по написанию слова с прописной буквы, здесь также речь идет скорее о возвышенном эпитете, хотя коннотации, распространяющие его на всех ярославских женщин, более явны.

В качестве именованной жительниц Ярославской земли слово *я(Я)рославна* в местных газетах редко появляется с конца 1960-х. Чаще, впрочем, жительницы именовались при помощи гендерных или классовых терминов (*женщины, комсомолки, девушки* (в составе конструкции «юноши и девушки», частотной на страницах комсомольской газеты «Юность») и т. д.), либо при помощи описательных конструкций, например: *Подарок всем женщинам Ярославля* (Северный рабочий, 8.03.1966). В любом случае за 1960–1980-е годы ни в «Юности», ни в «Северном рабочем» не было обнаружено ни одного употребления «словарной» номинации *ярославка*. Всего в номерах газет «Северный рабочий» и «Юность», приуроченных к 8 марта, за два десятилетия (1960–1970-е годы), удалось обнаружить пять употреблений этого названия (как в заголовках, так и в текстах статей), при этом первый случай написания названия со строчной буквы, однозначно маркирующий катойконимное, а не эпитетное значение слова, относится к 1973 году, т. е. ко времени уже не только после полета «космической Ярославны», но и после создания песни «Ярославия»: «Для вас, ярославны!» (Юность, 6.03.1973, материал о Доме моды). В 1980-е годы частотность использования катойконима растет. Подробнее особенности функционирования названия *ярославна* рассматриваются автором этой статьи в сборнике материалов XX конференции «Ономастика Поволжья» (2022).

По всей вероятности, распространение названия *ярославна* спровоцировало появление по аналогии формы в м. р. *ярославич*, также омонимичной отчеству (и одновременно напоминающей архаичные катойконимные номинации, именуемые как жителей древних городов, типа *москвичи, костромичи* и т. д., так и славянские племена) и в качестве названия жителей ранее не использовавшейся (отмечается только в словаре [Городецкая, Левашов, 2003, с. 344] с единственным примером из газеты «Советская Россия» за 1998 г., в котором, вероятнее всего, речь идет о спонтанном порождении названия жителей как своего рода экзонима). Появление таких названий впервые фиксируется в преддверии 1985 г., когда отмечалось 975-летие Ярославля. Например, в книге журналиста и писателя В. Д. Шапошниковой «Ярославичи», содержащей очерки о прошлом и настоящем Ярославской области, жители именуются *ярославичами* (10 раз) и *ярославцами* (11 раз, не считая цитат) и *ярославнами* (10 раз) [Шапошникова, 1984]. Показательно, что сами герои Шапошниковой, собиравшей материал для книги в Ярославле и области, называют себя отнюдь не *ярославичами*: «Ярославец я. Да, да, ярославец», – говорит по телефону собеседник автора, переехавший на жительство в Ленинград [Там же, с. 281]. В 1985 г., к юбилею города, ТО «Экран» выпускает документальный фильм «Ярославль

и ярославичи» [Носкова и др., 1985]. Кроме очевидной отсылки к прецедентному библионию «Москва и москвичи», это название отражает мнение авторов фильма о том, что ранее жители города назывались именно *ярославичами*. Так, в закадровом тексте предлагается *понаблюдать за ярославцами, или ярославичами, как их называли в старину* (14:05–14:08), а также сообщается о том, что *много раз ярославичи поднимали город из руин и пепла* (15:27–15:28). Впрочем, чаще в закадровом тексте говорится о *ярославцах*; например, это название употребляют в прямой речи и интервьюируемые герои фильма – ветеран войны В. А. Черенков и космонавт В. В. Терешкова. На чем основано убеждение создателей фильма о подобном «старинном» словоупотреблении, до конца неясно, вероятно как абберация с летописным *Ярославичи, Ярославличи* ‘потомки Ярослава’ (см. о названиях жителей Ярославля: [Бабкин, Левашов, 1975, с. 317]), так и доверие к ограниченному использованию соответствующего названия в локальном контексте.

В 1990-е годы название «Ярославич» получает ярославский волейбольный клуб (создан в 1988 г., благодарю Р. В. Разумова за уточнение этой информации и за обсуждение сюжетов, связанных с названиями жителей Ярославля); 28 декабря 1987 г. то же название получило предприятие, выпускающее сельскохозяйственную технику (дата подтверждена пресс-службой предприятия). Кроме того, к 1000-летию города, отмечавшемуся в 2010 г., сотрудниками ярославской библиотеки № 1 им. А. П. Гайдара был разработан сценарий праздника для младших школьников «Посвящение в ярославичи», имеющий патриотическо-краеведческую направленность и включающий рассказ о городе, чтение стихов о нем, историческую викторину, а также произнесение торжественного обещания. Школьник, *принимая почетное звание «Юный гражданин Ярославля»*, обещает любить и беречь родной город, изучать его историю, уважать его жителей и т. д.; в конце праздника ведущий говорит: *Желаем вам успехов, юные Ярославичи!* [Коробовская, 2008].

В отличие от названия в ж. р. *ярославна* (вошедшего в СМИ и узус), катойконим *ярославичи* до сих пор как использовался, так и используется лишь в ограниченных репрезентационных контекстах.

Случай 2. Для именованя жителей Витебска и Витебской земли в 1970-е годы входит в ограниченное употребление номинация *витьбичи* (белорус. *віцьбічы*), сконструированная по образцу названий славянских племен *кривичи, вятичи, радимичи, дреговичи* и т. д., но в средневековых источниках не отмечающаяся (исконное название жителей Витебска – *видбляне (видьбляне)*, ед. ч. *видблянин (видбленин)/видиблянин*, трансформировавшееся позднее в *витебляне, витеблянин*, см.: [Бабкин, Левашов, 1975, с. 329]). Позиционирующаяся как древнейшее название жителей, она встречается сразу в двух локально значимых литературных произведениях, созданных к тысячелетнему юбилею Витебска, который отмечался в 1974 г. Первое – белорусскоязычная пьеса В. С. Короткевича «Колокола Витебска» (написана в 1973 г., в 1974 г. впервые поставлена на сцене Витебского театра им. Я. Коласа), второе – русскоязычный сборник исторических новелл Л. А. Обуховой «Витьбичи», создававшийся в 1972–1973 гг.

В пьесе Короткевича действие происходит в XVII в., и название *віцьбічы* появляется там как в репликах персонажей (*Але сілай віцьбічаў, але сілай нас – хрэн возьмеш!* – «Но силой витьбичей, но силой нас хрен возьмешь!»), так и в авторских ремарках (*Віцьбічы рынулі наперад* – «Витьбичи ринулись вперед») [Караткевіч, 1990, с. 125–126].

В книге Обуховой *витьбичами* называется древнейшее местное население, проживающее по р. Витьбе, а затем в городе, именуемом *Видбеск* (древнейшее название Витебска): эта номинация, наряду с названием в ж. р. *витьбянки* и прилагательным *витьбичанский*, используется в новеллах, описывающих события IX, X и XIII вв. [Обухова, 1974, с. 10–11, 13–14, 26, 29, 66, 71]; в новелле о событиях XIV в. жители Витебска названы уже *витебцами* [Там же, с. 75]; в контексте XX в. речь идет чаще о *витеблянах* [Там же: 244–245, 278, 317, 324, 334, 362], хотя иногда они именуются «древним» именем – в контекстах, чаще не имеющих конкретной темпоральной привязки, и один раз в возвышенном, героическом контексте, кроме того, единично появляется название *витьбичане* [Там же, с. 308, 338]. *Не все, кто населяют сейчас город, урожденные витьбичи* [Обухова, 1974, с. 324]; *Витьбичи неохотно расстаются с берегами Витьбы и спешат вернуться к ним при первой возможности...* [Там же, с. 334]; *...смоляне и витьичи связаны и соседством и историей* [Там же, с. 354]; летчик Чеблаков, повторивший во время Великой Отечественной войны подвиг Гастелло, назван «отважным витьбичем» [Там же, с. 342]. Наконец, сама книга имеет посвящение: *Витьбичам, моим современникам, посвящаю*. Информация о том, что *славяне-кривичи* (<...> называли себя *витьбичами* – по реке *Витьбе*, транслировалась Обуховой и позднее [Обухова, 1989, с. 7].

Кроме того, название «Витьбичи» получает созданный в том же юбилейном 1974 году образцовый хор мальчиков; в 1980-е то же название носил ресторан в здании железнодорожного вокзала, открытый в 1952 г. [Шамякин, 1988, с. 135–136] (к сожалению, когда ресторан был так назван, выяснить не удалось).

Одновременное появление этой номинации в нескольких источниках 1970-х годов заставляет предположить какие-либо обсуждения в контексте конструирования локальной (и, возможно, этнической) идентичности, имевшие место ранее, но оставшиеся автору этих строк неизвестными. Показательно свидетельство 1970-х годов (запись о праздновании 1000-летия города в дневнике витебского поэта Д. Г. Симановича от 30 августа 1974 г.): упомянутый Короткевич считал название *витьбичи* более релевантным, чем исконное *витебляне* (*віцябляне*, *віцебляне*) и новое *витебчане* (*віцябчане*): *Торжественное заседание в театре. Доклад Машерова, в котором кто-то из его помощников настойчиво повторяет (и Машеров так и читает): витебчане, витебчане. А мне это режет слух и хочется повторять: витебляне, витебляне... А Короткевич решительно: «Не витебчане и не витебляне – витьбичи!..»* [Симанович, 2006, с. 150].

Интересно, что за несколько десятилетий до этого периода катойконим встречается в составе псевдонима *Юрка Витьбич*, под которым писал Г. А. (или С. А.) Щербаков (1905–1975) – уроженец Витебской губернии, эмигрировавший в США в 1944 г. В некрологе писателю, опубликованном в лондонском эмигрантском журнале,

отмечается, что он взял псевдоним по реке Витьбе – притоку Двины [Дзе-ка, 1975, с. 2]. Разумеется, мы можем иметь здесь дело как с совпадением, с автономным конструированием номинации по известной архаичной модели, так и с результатом известности имени Юрки Витьбича в витебских (и, шире, белорусских) литературных кругах в 1970-е. Однако, учитывая неблагоприятные особенности биографии носителя псевдонима – коллаборациониста и эмигранта, – едва ли его псевдоним мог стать в советскую эпоху прецедентным именем; слово *витьбич* могло восприниматься Короткевичем и Обуховой в первую очередь не как часть псевдонима конкретного человека, а как реально существовавший некогда этноним.

После празднования 1000-летия Витебска и вплоть до наших дней это название довольно редко используется в литературе как на русском, так и на белорусском языке, прежде всего в исторических контекстах (например: *...не подумал великий князь литовский* [Гедимин], *что его сын <...> приобретет не только власть над Витебском и витьбичами* [Масленицына, 2001, с. 96]; *Сам Невский водил витьбичей на литовских пришельцев...* [Ципис, 1988, с. 121]), реже – по отношению к современникам (*віцьбічы заўжды <...> крыху не ад сьвету гэтага* (Витьбичи всегда <...> немного не от мира сего) [Севярынец, 2005, с. 38]). В педагогическом журнале информацию о том, что кривичи назывались *витьбичами* по реке Витьбе (с опорой на рассказ Обуховой [1989]) предлагалось транслировать на уроках истории для младших школьников [Шатова, 1998, с. 132].

Кроме того, название *витьбичи* ситуативно предлагается как альтернатива, с одной стороны, исконного, но «неблагозвучного» *витебляне*, а с другой, более позднего *витебчане*, которое в языковой рефлексии жителей Витебска зачастую ассоциируется с влиянием советских чиновников. В сетевых источниках и СМИ отмечается широко распространенное в кругах витебской интеллигенции мнение о том, что популяризация названия *витебчане* вместо *витебляне* связана с влиянием первого секретаря ЦК Компартии Белорусской ССР В. П. Машерова, приезжавшего в город и выступавшего с речью на праздновании 1000-летия Витебска. Действительно, в областной газете «Віцебскі рабочы» название *віцябчане* вытеснило название *віцябляне* в августе 1974 г. [Генкин, 1997, с. 10] – конкретнее, по моим наблюдениям, 29 августа, когда праздновался юбилей города, инспирировавший участие в местной социальной жизни должностных лиц республиканского масштаба. Несмотря на то что влияние тех или иных властных фигур на словоупотребление (в том числе на смену названий жителей) в целом является распространенным мотивом «конспирологических» метаязыковых рассуждений, в данном случае приходится предполагать определенную долю соответствия этого мотива реальности: рекомендация не использовать в публичной речи «неблагозвучное» древнее название *витебляне*, которое в связи с юбилеем Витебска должно было бы прозвучать на всю республику (и даже на целую страну), действительно, могла иметь место.

В 1991 г. в Витебске появляется новая газета «Віцьбічы = Витьбичи». По воспоминаниям главного редактора газеты, выбор ее названия был обусловлен полемикой о том, как следует именовать местных жителей: *Спорили, как назвать газету. Тогда как раз велась дискуссия о том, кто же живет в нашем городе –*

витебчане или витебляне? Мы решили, что «Витьбичи» объединят всех, напомнят о богатой истории Придвинского края и станут такой газетой, которой еще не было в нашем регионе [Тулинова, 2011]. Или, например, в контексте празднования 30-летнего юбилея газеты председатель правления общественной организации «Белорусский союз журналистов» Андрей Кривошеев сказал, что для себя *разрешил спор по поводу того, как правильно называть горожан – витебчане или витебляне. «Это – витьбичи»* [Серебрякова, 2021]. Наконец, в наши дни это название может включаться в однородный ряд вариантов в качестве альтернативного (наряду, в частности, с белорусифицированным *витьбуки*): *Витьбичи, витьбуки, витебляне и витебчане, спасибо вам за то, что через тысячелетия вы пронесли старинное название нашего города!* (Витебский курьер, 9.08.2012).

Выводы. В целом можно говорить о том, что в последней трети XX в. реактуализация «старых забытых» и конструирование новых катойконимов происходили весьма ограниченно, а сами эти названия функционировали не всегда как собственно названия жителей, но зачастую – с определенной долей условности – как своего рода поэтические имена (ср., например, характеристику поэтических антропонимов как имен, использующихся в художественных произведениях и несущих «кроме номинативной функции, стилистическую», могущих иметь «социальную и идеологическую нагрузку» [Подольская, 1978, с. 31]). Во многом поэтическая сущность рассмотренных названий жителей обусловлена престижными коннотациями древности (в силу архаичной словообразовательной модели или культурных ассоциаций) и ситуацией, в которой они входили в обиход и которая предполагала актуализацию локальной идентичности через чувство гордости (будь то гордость жителей Ярославля за знаменитую землячку-космонавта, а также жителей Ярославля и Витебска по поводу предстоящих юбилеев их древних городов) и в силу этого – актуализацию (псевдо)исторической памяти.

Связанная с ограниченностью употребления катойконимов в ж. р. недостаточность ранних источников не позволяет сделать однозначных выводов относительно того, с чем мы имеем дело в случае с названием *ярославна*: бытовало ли оно в качестве катойконима до 1963 г. и получило легитимацию благодаря появлению соответствующего эпитета В. В. Терешковой и затем благодаря популярной песне или процесс трансонимизации проходил иначе: антропоним *Ярославна* > антропоним-эпитет *Ярославна* > катойконим *ярославна*. Можно лишь предполагать, что одним из факторов вытеснения зафиксированного в словарях названия *ярославка* в местном узусе могла быть омонимия с известным с XIX в. названием местной породы коров. При этом появившееся позднее название *ярославичи* так и осталось подобным поэтическим именем, не выдерживающим конкуренции с общепринятым *ярославцы*. То же, хотя и с некоторыми оговорками, можно сказать и о катойкониме *витьбичи*, который используется крайне ограниченно и на фоне конкуренции вариантов *витебляне* и *витебчане*, гораздо более актуальных для тех или иных жителей Витебска (см. подробнее: [Генкин, 1997]), так и не стал альтернативным.

Литература

- Ахметова, М. В. (2018). Катоиконимы в локальной печати конца XX – начала XXI в. (случай Твери). *Slověne = Словене*, 7(1), 281–307.
- Ахметова, М. В. (2019). О реактуализации одного древнего катоиконима (случай Старой Руссы). *Вопросы ономастики*, 16(1), 173–199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.010.
- Бабкин, А. М., & Левашов, Е. А. (1975). *Словарь названий жителей СССР*. Москва: Русский язык.
- Генкин, В. М. (1997). Социолингвистический аспект катоиконимической номинации. *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*, 1997(1), 9–13.
- Городецкая, И. Л., & Левашов, Е. А. (2003). *Русские названия жителей: Словарь-справочник*. Москва: ООО «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ».
- Дзе-ка, А. (1975). Юрка Віцьбіч. *Божым шляхам*, 23(1–2 (143–144)), 2–8, 25–26.
- Караткевич, У. (1990). *Збор твораў: У 8 т. Т. 8. Кн. 1: П'есы. Нарыс*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Козлов, П. И. (Авт.-сост.), Лапкина, Л. Д., & Казакевич, Т. Д. (Авт. отдельных глав) (1971). *Ярославль: Путеводитель*. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- Коробовская, М. В. (Сост.) (2008). *Посвящение в ярославичи (праздник для младших школьников) (без пагинации)*. Ярославль: [б. и.].
- Масленицына, И. А. (2001). *По рыцарским законам*. Минск: Полымя.
- Носкова, Н. (Авт.), Ольгина, О. (Авт. текста), & Бажанова, Г. (Реж.) (1985). *Ярославль и ярославичи*. Творческое объединение «Экран». Электронный ресурс <https://www.youtube.com/watch?v=a6M9ZJ2VA1Q>.
- Обухова, Л. (1974). *Витьбичи: Исторические новеллы*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Обухова, Л. (1989). *Давным-давно: Рассказы о Древней Руси*. Москва: Детская литература.
- Овечкин, В. (2015). *Броском вперед! Мой отец Валентин Овечкин в дневниках, письмах, воспоминаниях* (2-е изд., доп.). Курск: Славянка.
- Ошанин, Л. (1973). Как создавалась «Ярославия». *Крестьянка*, 1973(11), 19.
- Подольская, Н. В. (1978). *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука.
- Разувалова, А. (2015). *Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Сандомирская, И. (2001). *Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. (Wiener slawistischer Almanach; 50).

References

- Akhmetova, M. V. (2018). Diversity of names for Tver inhabitants in the local press (late 20th and early 21st centuries). *Slověne = Slovene*, 7(1), 281–307. (In Russian)
- Akhmetova, M. V. (2019). On the revival of one ancient Russian katoikonym: Staraya Russa. *Voprosy onomastiki*, 16(1), 173–199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.010. (In Russian)
- Babkin, A. M., & Levashov, E. A. (1975). *Dictionary of the names of inhabitants of USSR*. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)
- Dze-ka, A. (1975). Iurka Vits'bich. *Bozhym shliakham*, 23(1–2 (143–144)), 2–8, 25–26. (In Belarusian)
- Fedorova, T. (2011, May 19). Nina Tulinova: Must have strong head and be able to keep balance. *Belorusskii soiuz zhurnalistov*. (In Russian). Retrieved from: <http://bsj.by/2011/05/nina-tulinova-nado-imet-krepkuyu-golovu-i-umet-derzhat-ravnovesie>.
- Genkin, V. M. (1997). Sociolinguistic aspect of katoikonymic nomination. *Vesnik Vitsebskaga dziazhaŭnaga universiteta*, 1997(1), 9–13. (In Russian)
- Gorodetskaya, I. L., & Levashov, E. A. (2003). *Russian names of inhabitants: A dictionary*. Moscow: Russkie slovari, Astrel, AST. (In Russian)
- Karatkevich, U. (1990). *Collection of works* (Vol. 8, Book 1). Minsk: Mastatskaia litaratura. (In Belarusian)
- Korobovskaya, M. V. (Ed.) (2008). *Initiation in 'yaroslavichi' (a feast for junior schoolchildren)*. Yaroslavl: [n. e.]. (In Russian)
- Kozlov, P. I., Lapkina, L. D., & Kazakevich, T. D. (Eds.) (1971). *Yaroslavl: A guide*. Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russian)
- Maslenitsyna, I. A. (2001). *By knight's laws*. Minsk: Polymya. (In Russian)
- Noskova, N. (author), Olgina, O. (author of the text), & Bazhanova, G. (film director.) (1985). *Yaroslavl and 'yaroslavichi'*. Tvorcheskoe ob'edinenie "Ekran". (In Russian). Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=a6M9ZJ2VA1Q>.
- Obukhova, L. (1974). *'Vit'bichi': Historic novels*. Minsk: Mastatskaia litaratura. (In Russian)
- Obukhova, L. (1989). *A long time ago: Tales on the Ancient Rus'*. Moscow: Detskaya literature. (In Russian)
- Oshenin, L. (1973). How the [song] 'Yaroslaviia' was created. *Krestianka*, 1973(11), 19. (In Russian)
- Ovechkin, V. (2015). *Throw forward! My father Valentin Ovechkin in his diaries, letters, memoirs* (2nd ed., enl.). Kursk: Slavianka. (In Russian)
- Podolskaia, N. V. (1978). *A dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Razuvalova, A. (2015). *Writers-'derevenshchiki': Literature and conservative ideology of the 1970s*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

- Севярынец, П. (2005). *Нацыянальная ідэя: Фэнамэналёгія Беларусі*. Рыга: ОДО «Лайма».
- Серебрякова, Т. (2021, 7 мая). «Витьбичам» – 30 лет: в концертном зале «Витебск» прошел концерт в честь юбилея газеты. *Vitbichy.by*. Электронный ресурс <https://www.vitbichi.by/fotonews/post47801.html>.
- Симанович, Д. (2006). *Витебский вокзал, или Вечерние прогулки через годы: Дневники*. Минск: Асобны.
- Суслова, А. В., & Суперанская, А. В. (1991). *О русских именах*. Ленинград: Лениздат.
- Усов, В. (Сост.). *Ярославна*. Ярославль: Кн[ижное] изд[ательство].
- Федорова, Т. (2011, 19 мая). Нина Тулинова: Надо иметь крепкую голову и уметь держать равновесие. *Белорусский союз журналистов*. Электронный ресурс <http://bsj.by/2011/05/nina-tulinova-nado-imet-krpkuuu-golovu-i-umet-derzhat-ravnovesie>.
- Ципис, Н. (1988). Поперечный. *Неман*, 1988(2), 110–124.
- Шамякин, И. П. (Гл. ред.) (1988). *Витебск: Энциклопедический справочник*. Минск: Белорусская советская энциклопедия им. П. Бровки.
- Шапошникова, В. Д. (1984). *Ярославичи*. Москва: Советская Россия.
- Шатова, В. (1998). «И не любить без памяти нельзя...». *Народное образование*, 1998(1), 132–140.
- Шнирельман, В. А. (2012). *Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России*. Москва: Издательство ББИ.
- Sandomirskaja, I. (2001). *Book about homeland: Experience of analysis of discursive practices*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. (Wiener slawistischer Almanach; 50). (In Russian)
- Serebriakova, T. (2021, May 7). 30 years to [the newspaper] “Vit’bichy”: The concert in honor of the newspapers’ jubilee took place in the concert hall “Vitebsk”. *Vitbichy.by*. (In Russian). Retrieved from: <https://www.vitbichi.by/fotonews/post47801.html>.
- Seviarynets, P. (2005). *National idea: A phenomenology of Belarus*. Riga: Laima. (In Belarusian)
- Shamiakin, I. P. (Ed.) (1988). *Vitebsk: An encyclopedic guidebook*. Minsk: Belorusskaia sovetskaia entsiklopediia im. P. Brovki. (In Russian)
- Shaposhnikova, V. D. (1984). *Iaroslavichi*. Moscow: Sovetskaia Rossiia. (In Russian)
- Shatova, V. (1998). “And it’s impossible to love without a memory...”. *Narodnoe obrazovanie*, 1998(1), 132–140. (In Russian)
- Shnirelman, V. A. (2012). *Russian ‘rodnoverie’: Neopaganism and nationalism in contemporary Russia*. Moscow: Izdatelstvo BBI. (In Russian)
- Simanovich, D. (2006). *The Vitebsk Railway Station, or The evening walks through years: Diaries*. Minsk: Asobny. (In Russian)
- Suslova, A. V., & Superanskaia, A. V. (1991). *On Russian names*. Leningrad: Lenizdat. (In Russian)
- Tsipis, N. (1988). The transversal. *Neman*, 1988(2), 110–124. (In Russian)
- Usov, V. (Ed.). *Iaroslavna*. Yaroslavl: Кн[ижное] изд[ательство]. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Ахметова, М. В. (2022). Новые «древние» восточнославянские катойконимы: вторая половина XX – начало XXI в. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 28–37. DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-28-37

For citation:

Akhmetova, M. V. (2022). New “ancient” East Slavic demonyms: the second half of the XX and the beginning of the XXI century. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 28–37. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-28-37

НОВГОРОДСКИЙ МОТИВ / NOVGOROD MOTIVE

Водные имена на *-ово/-ево* в исторических Новгородско-Псковских землях

В. Л. Васильев

Water names ending with *-ovo/-evo* in historical Novgorod and Pskov lands

V. L. Vasiliev

Валерий Леонидович Васильев – доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: vihnn@mail.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

В статье анализируются особенности структуры, деривации и мотивации гидронимов с формантами *-ово/-ево*, а также содержатся отдельные этимологические наблюдения. Территорией гидронимического исследования являются исторические Новгородско-Псковские земли – значительный по площади регион на Северо-Западе России, охватывающий полностью или частично территории современных Новгородской, Псковской, Ленинградской, Тверской и Вологодской областей. Статья написана в русле проводимого автором в настоящее время широкого историко-лингвистического исследования гидронимии на всем этом пространстве. Всего на этой территории было учтено приблизительно 350 гидронимов на *ово/-ево*, из них 95% – это имена озер, 5% – имена ручьев (т. н. риаконимы), кроме того, имеется единственное речное название (*Волхово*). Большинство анализируемых гидронимов трактуются в качестве дериватов с посессивным значением от личных собственных наименований и обозначений лиц. Меньшая часть водных имен восходит к аппеллятивной лексике, главным образом к прилагательным с суффиксом *-ов/-ев-* или к существительным, мотивировавшим такие прилагательные. Многие водные имена на *-ово/-ево* в письменных источниках разного времени сопровождаются вариантами с иными формантами. Такие варианты квалифицируются чаще всего как ранние, прежние структуры, от которых были образованы современные водные имена (путем наложения или замещения форманта или, реже, путем его народноэтимологического обособления по аналогии). При помощи славянских формантов *-ово/-ево* был адаптирован ряд гидронимов неславянского происхождения (*Отолово, Липшово, Мегрово, Лимандрово* и др.). Некоторые рассматриваемые водные имена являются звеньями топонимических микросистем, что позволяет конкретизировать их образование от соседних топонимов.

Ключевые слова: гидронимы, структура, деривация, Новгородско-Псковские земли

УДК 81.37

Valery L. Vasiliev – Doctor of Philological Science, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4708-7786

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

The article analyzes the features of the structure, derivation and motivation of hydronyms with *-ovo/-evo* endings, and also contains separate etymological observations. The territory of hydronymic research is the historical Novgorod and Pskov lands – a region of considerable size in the North-West of Russia, covering in whole or in part the territories of modern Novgorod, Pskov, Leningrad, Tver and Vologda Oblasts. The article is written in line with the broad historical and linguistic study of hydronymy currently being carried out by the author throughout this space. In total, approximately 350 hydronyms ending with *-ovo/-evo* were recorded on this territory, of which 95% are the names of lakes, 5% are the names of streams (the so-called riakonims), and, in addition, there is a single river name (*Volkhov*). Most of the analyzed hydronyms are interpreted as derivatives with a possessive meaning from personal proper names and designations of persons. A smaller part of the water names goes back to the appellative vocabulary, mainly to adjectives with the suffix *-ov/-ev-* or to the nouns that motivated such adjectives. Many water names ending with *-ovo/-evo* in written sources of different times are accompanied by variants with other endings. Such variants are most often qualified as early, former structures from which modern water names were formed (by superimposing or substituting an ending or, more rarely, through its folk-etymological isolation by analogy). With the help of the Slavic endings *-ovo/-evo*, a number of hydronyms of non-Slavic origin were adapted (*Otolovo, Lipshovo, Megrovo, Limandrovo*, etc.). Some of the considered water names are links of toponymic microsystems, which makes it possible to specify their formation from neighboring toponyms.

Keywords: hydronyms, structure, derivation, Novgorod and Pskov lands

OECD: 6.02.OY

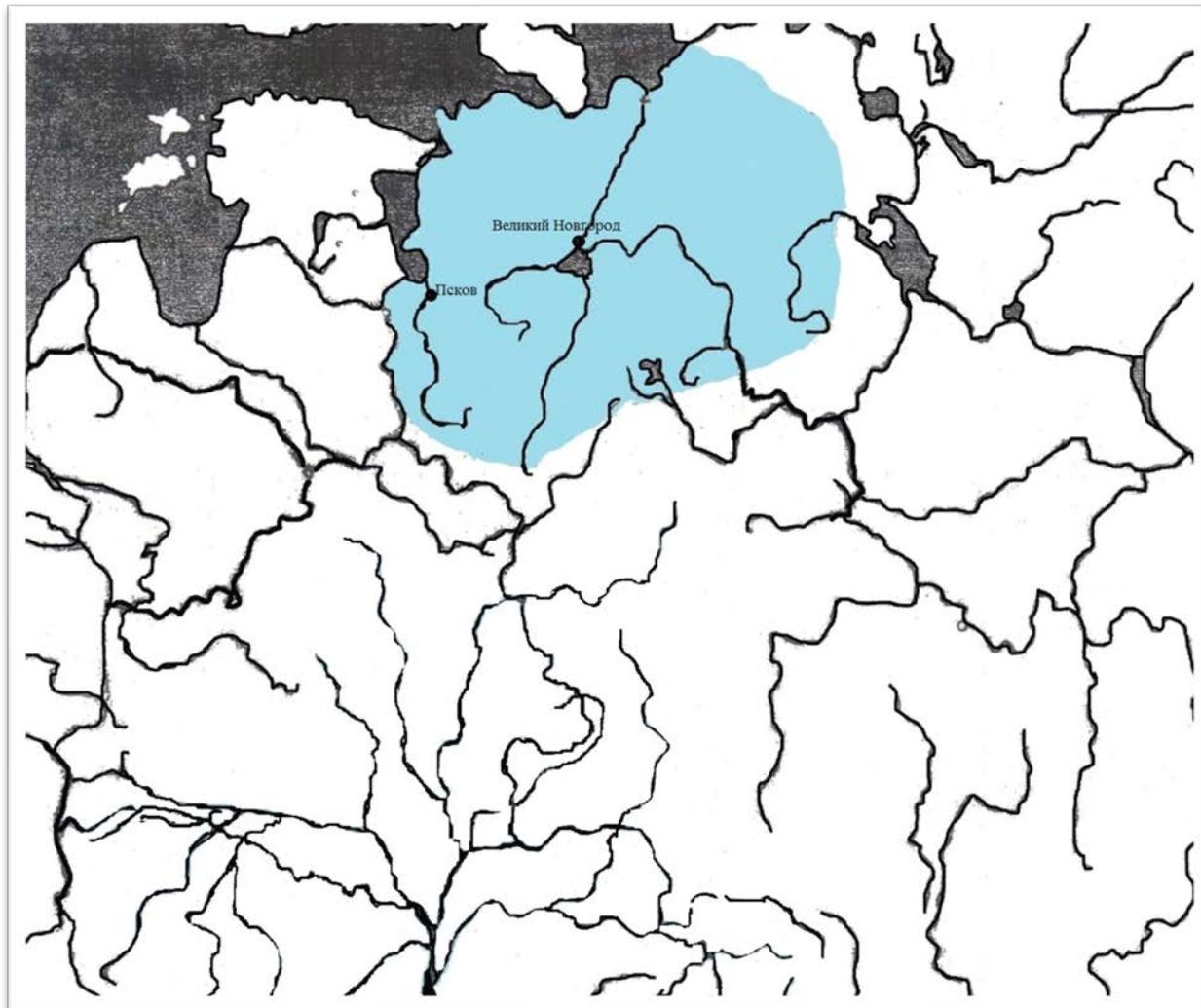
V

Постановка проблемы. Предлагаемая статья, посвященная структуре и деривации водных имен на *-ово/-ево*, составляющих один из «рифмованных» сегментов обширного регионального обратнo-алфавитного гидроименника, написана в русле проводимого автором в настоящее время широкомасштабного историко-лингвистического исследования гидронимии исторических Новгородско-Псковских земель. Одной из важнейших составляющих этого исследования является структурно-словообразовательный анализ, обращенный в первую очередь к конечным, суффиксально-формантным элементам имен.

История вопроса. Историко-лингвистическое обращение к водным названиям, связанным с территориями Новгородской, Псковской и сопредельных областей Русского Северо-Запада, обычно ставило целью этимологическое и/или культурно-историческое объяснение. Преимущественное внимание уделялось этимологизации отдельно взятых имен крупных рек и озер, чаще неславянского генезиса (*Ловать, Пола, Волхов, Шелонь, Мста, Ильмень, Селигер, Нева, Ладога* и др.), гидронимы трактовались вперемежку с негидронимами, чаще с названиями селений и городов. Касаясь сравнительно крупных трудов, посвященных истолкованию множества разнородных названий в окрестностях Новгорода и Пскова, стоит вспомнить словари Ю. Ю. Трусмана [Трусман, 1897; 1898], популярную, но весьма серьезную, убедительную книгу А. И. Попова «Следы времен минувших» [Попов, 1981], равно как монографию автора настоящей статьи, анализирующую новгородские топонимические древности без разделения на водные и неводные имена [Васильев, 2012]. Во всех этих работах упор сделан на раскрытие топооснов, а не топоформантов. Иными словами, вопрос «почему так названо?» преобладает над вопросом «почему так образовано название?». Структурно-деривационный аспект новгородско-псковской гидронимии впервые был затронут только в монографии [Агеева, 1989], одна из глав которой рассматривает принципы номинации и словообразования водных имен. Следует заметить, что структурно-деривационная сторона гидронимии изучалась недостаточно не только в Новгородско-Псковском регионе, но и в других регионах России. По крайней мере со времени публикаций Н. В. Подольской 1980-х гг. на ономообразовательную тематику [Подольская, 1983; 1990] специальных обобщающих трудов по вопросам структуры и образования гидронимии и топонимии, особенно фоновой, русской, славянской, почти не было, кроме отдельных небольших статей.

Методология и методика исследования. Под историческими Новгородско-Псковскими землями (далее везде ИНПЗ) в предлагаемой статье понимается область древненовгородского пятинного деления в границах конца XV в. (за вычетом тех частей Водской и Обонежской пятин, которые приходятся на современную Карелию и север, северо-восток Ленинградской области) вместе с прилегающими Псковской, Пусторжевской, Великолуцкой и Торопецкой землями, взятыми в границах XV–XVI вв. На современной карте это территория Ленинградской (не севернее Санкт-Петербурга), Псковской, Новгородской областей, северных и северо-западных районов Тверской

области и крайних западных (западнее Устюжны) районов Вологодской области. Регион ИНПЗ весьма обширен, сопоставим по площади с территорией Белоруссии (см. карту).

Статья нацелена на краткое освещение различных сторон структурно-деривационной типологии современной гидронимии с исходом *-ово/-ево* (Гольтяево, Юрьево, Хлудово, Луково и т.п.), локализуемой в пределах очерченного региона ИНПЗ; современными считаются названия, почерпнутые из совокупности письменных и картографических материалов не старше начала XX в. и/или сохраняющиеся в речевом узусе по сей день. Ссылки на разнообразные конкретные материалы по современной гидронимии ИНПЗ опущены. Ссылки на письменные источники исторических названий приводятся. Всего набирается довольно внушительный массив – более 350 водных имен, из них большинство – около 250 – оканчиваются на *-ово*, примерно 100 – на *-ево*. Для гидронимов, рассматриваемых индивидуально, указаны тип водного объекта и минимальная привязка к крупным водным системам ИНПЗ, даваемая в сокращениях (например, оз. Влк отмечает озеро в бассейне р. Великой; полный список сокращений см. в конце статьи). Практически все рассматриваемые ниже новгородско-псковские водные имена на *-ово/-ево*, относящиеся как правило к незначительным

малоизвестным водоемам, никогда не исследовались ни в структурно-деривационном, ни в этимологическом отношении.

Анализ материала и результаты исследования. Обсуждаемый сегмент обратного гидроименника почти целиком, на 95%, составлен лимнонимами – именами озер, оставшиеся 5% составляют имена ручьев, или, по принятой мною терминологии, риаконимы (от др.-греч. ριαξ ‘поток, горный ручей’, новогреч. ριακι ‘ручей’). Среди новгородско-псковской лимнонимии структуры на *-ево/-ово* стабильно занимают третье место по численности по крайней мере еще с XV в. (судя по удельному весу таких названий в материалах новгородских писцовых книг XV–XVI вв.), уступая первенство лишь структурам на *-(с)кое* (озера *Пажитское, Жуковское, Деменецкое* и т.п.) и флексийно-формантным структурам на *-ее/-ое* (озера *Среднее, Светлое, Бездонное* и т.п.). Озерные имена на *-ево/-ово* морфологически согласованы по роду с опорным термином *озеро*. Благодаря жесткой родовой координации речные имена (потамонимы) в рассматриваемом сегменте отсутствуют, поскольку они охвачены «женскими» формантами *-ева/-ова*, заданными согласованием с терминами *река, речка*; исключение – реликтовый потамоним *Волхово*, о котором подр. в конце статьи.

Формант *-ово* искони ближайше вариантен форманту *-ево*, но если первоначально они были фонетически распределены (первый присоединялся к основам на твердые согласные, второй – к основам на мягкие), то после перехода *e > o* целесообразнее говорить о фонетических вариантах *-ово/-ево* в безударной позиции и об орфографических вариантах *-ёво/-ово* под ударением.

Первоначальная функция топоформантов *-ево/-ово* – образование топонимов со значением принадлежности от собственных наименований лиц. Со временем при помощи *-ево/-ово*, развивавших широкое значение относительности, стали легко вырабатываться географические имена также от апеллятивной лексики, от соседней, микросистемно взаимосвязанной топонимии и, благодаря аналогии, переоформляться от иных, более ранних вариантов топонимов. Хорошо известно, что главная сфера функционирования *-ево/-ово* – русская ойконимия, особенно названия деревень; в этой сфере данные форманты стали определять фоновую окраску начиная с позднедревнерусского и, особенно, со старорусского периодов. В русской лимнонимии, в частности в новгородско-псковской, дериваты на *-ево/-ово* устоялись одновременно с преимущественным закреплением их в ойконимии, разделяя с ойконимами все свои особенности и испытывая воздействие соседних ойконимов.

Озерные имена, мотивированные антропонимами и обозначениями лиц, составляют преимущественную долю изучаемого сегмента в регионе ИНПЗ. С конечным *-ово*, таковы, например, *Колобово, Давыдово, Иванково, Глазово, Быково, Брюшково, Бурмаково, Дедково, Волково, Жуково, Скорняково, Дулово, Измайлово, Козлово, Страмилово, Косьмово, Антухново, Батехново, Глядуново, Грибаново, Литвиново, Рахново, Скупово, Сунгурово, Шарово, Федосово, Пестово, Попово, Хватово, Шутово, Альбухово, Галахово, Мельхово, Перхово, Стехово, Кривцово, Кузнецово, Любашово, Овдошово* и др.; с конечным *-ево*: *Исаево, Киселево, Кобелево, Лунево, Глухарево, Алхимцево, Копалево, Кудрявцево, Сохачево, Субачево, Худичево, Окатьево, Юрьево, Балашево, Поршево, Шишево, Дуденево, Щенево* и др. Основы этих и многих других лимнонимов подтверждаются материалом старорусских и

русских личных имен, прозвищ, современных фамилий, сами же лимнонимы могут служить материалом для исследований по исторической антропонимии. Они мотивированы собственными наименованиями людей, поселившихся на берегах озер и/или имевших в озерах рыболовные участки. Нередко такие водные названия микросистемно сопровождаются ойконимами-кодериватами, или, иначе говоря, названиями приозерных селений, заложенных общими имядателями – приозерными поселенцами и владельцами. Таковы, например, оз. *Бардово / Бордово* Влк у д. *Бардово* Беж., оз. *Батьково* Влк у д. *Батково* Н-Рж., оз. *Еремково* Млг у дд. *Ерёмково* и *Новоерёмково* Удом., оз. *Маслово* З-Дв у д. *Маслово* Тор., оз. *Сутулово* Млг у д. *Сутулово* Макс., оз. *Яросимово* Чгд у д. *Герасимово* Чаг., оз. *Григорово* Мст близ ур. *Григорово* Бор., оз. *Белохвостово* Влк у д. *Белохвостово* Палк., оз. *Перестово* Мст у д. *Перестово* Ок., оз. *Перхово* Млг у д. *Перхово* Удом., оз. *Палеево / Палаево* Влк у д. *Палеево* Пуст., оз. *Василево* Чгд рядом с д. *Василёво* Хв., оз. *Яковлево* Лвт у д. *Яковлево* В-Лук., оз. *Опалево* Плс у д. *Апалево* Гд., оз. *Мишнево* Мст у д. *Мишнево* Бол., оз. *Ванево* оз. Чгд у д. *Ванёво* Хв., оз. *Гонево / Ганево* Мст у д. *Ганеево* Бол. (= д. *Ганево* конца XV в. [НПК I, с. 456]), оз. *Кокарево* Лвт, где была д. *Кокарево* Беж., оз. *Пузырево* Мст у д. *Пузырёво* Ок., оз. *Зуево* Влк у д. *Зуево* Себ., оз. *Гривцево* Плс у д. *Гривцево* Плюс., оз. *Лаптево* Пол у д. *Лаптево* Мар. В этом списке приведены только современные сведения из региона ИНПЗ. Обращение к исторической топографии позволило бы список продолжить, поскольку многие селения с их названиями утратились, тогда как водоемы остаются, скажем, возле озер *Почаево* и *Бардаево* Мст локализуются средневековые дд. *Почаево* и *Бардуево*, XVI в. [НПК VI, с. 32, 92], давно уже забытые. Приведенный список содержит лимнонимы, хронологически равные ойконимам и деривационно не зависящие от них. Впоследствии отдельные из перечисленных лимнонимов, находившихся первоначально в отношениях кодеривации с ойконимами, дополнительно приобрели новые, уже произведенные от ойконимов варианты, осложненные конечным *-(с)кое*: *Батковское, Василевское, Апалевское, Мишневское, Ваневское, Почаевское, Пузыревское, Зуевское, Лаптевское*.

Деантропонимные лимнонимы присоединяли форманты *-ово/-ево* обычно сразу, в момент номинации водного объекта и/или в период первоначальной стабилизации структуры названия. Поэтому ранних иноформантных вариантов среди деантропонимных озерных названий немного. В качестве одного из редких примеров стоит отметить *Ладымирово* (оз. З-Дв), произведенное от *Ладомиро*, главного варианта, употребительного по сей день. Этот флексийный вариант, впрочем, не первичен, а получен от средневекового *Ладомер*, известного по Торопецкой книге 1540 г. [ПKNЗ 4, с. 639, 676, 678, 679], который приравнивается к др.-слав. личному имени *Ладомърь / Ладомиръ* [Васильев, 2012, с. 93].

От многочисленных деантропонимных озерных названий без детального анализа их собственной истории порой затруднительно «отсортировать» лимнонимы на *-ово/-ево*, восходящие к апеллятивной лексике. Дело в том, что большинство личных имен и обозначений сами деапеллятивны и в определенной мере базируются на общих с лимнонимией лексических средствах. Для плохо дифференцируемых случаев помогают опора на структурно-семантические признаки лимнооснов,

микросистемное окружение и историческую вариантность лимнонимов. Словопроизводственной базой озерных деапеллятивных водных названий обычно служат существительные, основа которых в момент гидрономинации осложняется формантами *-ово/-ево*, и произведенные от существительных относительные прилагательные с суффиксом *-ов-/ев-*, преобразованным в гидроформанты путем обособления из структуры мотиватора: *-ово < -овое, -ево < -евое*. Дериваты от качественных прилагательных (*белый, черный, светлый, большой, малый, синий* и т.п.) в лимнонимии на *-ово/-ево*, похоже, отсутствуют, несмотря на частотный характер такой лексики; качественные прилагательные выступают продуктивной словопроизводственной базой для иных, чаще всего суффикс-флексионных моделей лимнонимии (на *-ое/-ее*: озера *Белое, Черное, Светлое, Большое, Малое, Синее*) и гидронимии в целом. Отчетливое подразделение между названиями десубстантивными и деадъективными обыкновенно провести не удастся, но при обобщенном решении этого вопроса допустимо ориентироваться на наличие / отсутствие относительного прилагательного в привлекаемом апеллятивном материале. Деадъективным производным следует считать, например, *Ходово* (оз. Мст со стоком в р. *Ходовка*), в котором *-ов-* искони принадлежал адъективному мотиватору, судя по структуре смежного имени деревни (при оз. *Ходово* локализуется д. *Ходовец* 1495 г. [НПК II, с. 201, 226]); следовательно, в *Ходово* «просвечивает» свернутая синтагма *ходовое (озеро)*, т.е. озеро с подвижной, проточной водой. Прилагательными, надо полагать, мотивированы такие лимнонимы, как *Ужово / Ужево* (оз. Плс), восходящее к *ужев(ый)* вместе с *ужовка, ужовник* – диалектными обозначениями хвоща, лютика, купыря и иных трав, см. [СРНГ 46, с. 348], *Вязово* (оз. Мст со стоком в р. *Вязовка*) – от *вязов(ый)* ‘относящийся к вязу’, *Орехово* (оз. Влг со стоком в руч. *Орехово*) – от *орхов(ый)*, *Мохово* (оз. Влк), сюда же, вероятно, и *Пхово* (оз. Млг со стоком в р. *Опховица*) – от *мхов(ый)*, последнее с ассимиляцией *mx > px* [Васильев, 2012, с. 493]. Лимноним *Плосково* (оз. Млг) отсылает к *плоский* (характеризует находящееся на плоской, низменной местности озеро). Имеющиеся в материале ИНПЗ шесть лимнонимов *Березово* соотносятся с *березовый*, но в конкретных случаях деривация их различна: они либо непосредственно произведены от формы *березово(е)*, либо преобразованы по модели на *-ово* от прежних иноформантных онимных форм (таково *Березово* оз. Влк, имеющее более ранний засвидетельствованный вариант *Березно* и микросистемно связанное с *Березно* д. Пуст.), либо отражают вторичную ремотивацию по слову *березовый* (таково *Березово* оз. Мст, переосмысленное из регулярной, многократно фиксируемой формы *Брезгово*). Среди лимнонимии на *-ево* дериватами от относительных прилагательных допустимо считать ряд «рыбных» названий: *Окунево* (для пяти озер в водных системах Чд-П, Влк, Лвт, Чгд), *Карасево* (оз. З-Дв), *Лещево* (оз. Пол, где была д. *Лещево* Демянского погоста конца XV в. [НПК II, с. 547]), *Линево* (оз. Лдж): они скорее должны считаться универбатами синтагм *окунево(е) озеро, карасево(е) озеро, лещево(е) озеро, линево(е) озеро*, хотя не стоит игнорировать также прозвища *Окунь, Карась, Лещ, Линь*, давшие фамилии *Окунев, Карасев, Лещев, Линев*. Допустимо отнесение к этой же «ихтиогруппе» лимнонима *Лошево* (оз. Чгд) при сравнении его с диал. *лох* ‘лосось’, ‘отнерестившийся лосось’, ‘ручьевая форель’ в отдельных говорах ИНПЗ и Русского

Севера [СРНГ 17, с. 159–160; Мызн. РДЭС, с. 452], хотя возможна поздняя переделка из *Лецево* (на карте-трехверстке 2-й половины XIX в. озеро подписано *Лецево*).

Разумеется, историко-географическая верификация проприальных фактов, в первую очередь неоднозначно трактуемых, позволяет детализировать специфику дериватов. Лимноним *Пнево* (оз. в истоках Волги), известный с XVIII в. (*Пниово* 1780-х гг., согласно [ГМ-Ост]), получен от *пнь*, *пни* в земледельческом значении ‘место, где после выжигания леса остались пни’, учитывая, что это озеро ранее именовалось *Погорѣлово*, под 1495 г. [НПК II, с. 787], а на его берегу сегодня стоит д. *Гора Погорелицкая* Пен. Соотносительность с термином подсеки приложима, следовательно, и для *Пнево* (оз. Чгд). В свою очередь *Гранево* / *Гранёво* (оз. Пол) образовано от *грань* ‘межа, граница земельных участков’, известного и в средневековых грамотах, и в современных говорах региона ИНПЗ, см. [СлРЯ XI-XVII 4, с. 125; СРНГ 7, с. 116]. Более подробных пояснений требуют *Ушево* (оз. Сяс) и *Крещево* / *Крешево* / *Крешнево* (оз. Влк) с чертами пережиточности структур. Первое образовано от *ушь*, обозначения вида растения, употреблявшегося древненовгородским населением в пищу в голодные годы: «ядяху люди листь липовъ...инии ушь, мѣхъ, конину», 1128 г.; «ини же мѣхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листь, ильмъ, кто что замысля», 1230 г. [НПЛ, с. 22, 70]. Похоже, под *ушью* в летописи разумели трифоль (вахту трехлистную), впервые об этом [Меркулова, 1967, с. 39]. Но и в современных новгородско-псковских говорах отмечены *ушѣвник* ‘растение *Menianthes trifoliata* L., вахта трехлистная’ Черепов. Новг. (а также ‘растение *Euphrasia officinalis* L., очанка лекарственная’ Пск.), олон., карел. *ушнѣк*, олон. *ушко* – обозначения вахты трехлистной (трифоли), сюда же, вероятно, и пск. (порх.) *ушь* ‘болотное растение [какое?]', 1957–1961 гг. [СРНГ 48, с. 338-339; 49, с. 15, 24, 27]. Второй явно старый лимноним – *Крещево* / *Крешево* / *Крешнево* (оз. Влк) – получен от апеллятива **кръщев-*, с корнем, активно чередующимся с *кръст-* (иногда даже в общей морфонологической позиции: новг. *крѣстьбины* и *крѣщбины* ‘крестины’ [НОС, с. 458], яросл. *крѣщик* ‘укладка снопов’ [СРНГ 15, с. 241] и *крѣстик*). Название отметило озеро, где крестили (ср. новг. *водѣкша* ‘прорубь для крещения’ < **водо-кръща*), или озеро крестовидной формы. Существование лексической основы **кръщев-* дополнительно удостоверяется новг. *Кшевка* (р. Луг у д. *Кшева* Бат.: < **Кръщева*).

Многие соотносительные с апеллятивной лексикой лимнонимы с концовкой -*ово/-ево* сохранили в живом употреблении или в письменных источниках XX–XXI столетий свои варианты формы, представленные в виде адъективных структур на -*о*, -*ое*, -*ее*, -*ье*. Такие нерасширенные варианты на фоне имен с -*ово/ево* в современном речевом узусе обычно выглядят устаревающими и квалифицируются чаще всего в качестве более старых, ранних форм лимнонимов. Правильнее полагать, что озерные имена на -*ово/ево*, сопровождаемые старыми вариантами, – это производные не напрямую от апеллятивной лексики, а от своих ранних деапеллятивных вариантов. Таких фактов немало. К более ранним онимным формам безусловно отсылают: *Горохово* (оз. Влк), полученное не от прилагательного *горохово(е)*, от варианта *Гороховое* (он отражен как в письменных материалах, так и в названии приозерной д. *Гороховое Озеро* Остр.); *Ярово* (оз. Чгд, иначе именуемое *Яровое*); *Студеново* (оз. Лвт, имеющее вариант *Студеное*); *Луковастово* (оз. Влк, с зафиксированной лимнонимной

формой *Луковастое* (= *луковастое* 'извилистое'); *Редрово* (оз. Млг, в ранних материалах – *Редро*: к *редро(е)* 'красноватое'). Лимноним *Хвойлово* (оз. Луг) образован от прежней именной формы *Хвойное*, упомянутой под 1500 г.: «надъ озеромъ надъ Хвойнымъ», Бутковский погост [НПК III, с. 306], здесь полученная форма **Хвойново* заместила совр. *Хвойлово*, надо полагать, по прихоти переписчика. Лимноним *Локново* / *Лакново* (оз. Лвт со стоком в р. *Локня*) продолжен из варианта *Локно* (или *Локня*, этот второй сохранялся еще в начале XX в.), приравниваемого к *локно* 'место в водоеме, заросшее травой'. Название оз. *Дрыхлово* в истоках Волги идет из прежних *Дрыхло* / *Дряхло*, донесенных межевскими материалами 1770-х гг. [ГМ-Ост, № 851], восходящих к обозначению топкого, вязкого места. Этимологически неоднозначное *Едрово* (оз. Мст у с. *Едрово* Валд.) несомненно восходит к ранней форме *Ѣдро*, переданной как *Ihedra* в сочинении Сигизмунда Герберштейна начала XVI в. [Герберштейн I, с. 162].

Названия на *-ово/-ево*, имеющие старые варианты, нередко включены в микросистемные отношения с соседними гидронимами и ойконимами сходного фонетического облика. Наличие микросистем часто конкретизирует деонимный (вторичный) характер озерных названий, однако обосновать деонимность нелегко: помимо сохраняющейся современной вариантности эпохи XX-XXI вв., следует выявить историческую вариантность лимнонима, обнаружить вероятную включенность его в микросистемный контекст производящих онимов, вскрываемый иногда только по письменным данным. Возьмем некоторые примеры. Тверское оз. *Бологово* (Лвт со стоком в р. *Бологая* Андр.) вплоть до начала XX в. именовалось *Бологое*, современный же вариант *Бологово* закрепился лишь в XX в. по приозерному пос. *Бологово*, выросшему на месте погоста *Бологое* / *Балагой* Холмского уезда. Появление *Бологово* было спровоцировано адъективом с суффиксом *-ов(-ский)* (*Бологовский*), производным от *Бологое* для номинации погоста и поселка (в конце XIX – начале XX в. они являлись центрами *Бологовской* волости и *Бологовского* района). Деойконимный способ деривации следует видеть и в названии псковского оз. *Бологово* (Лвт со стоком в р. *Бологуша*), возле которого стоит д. *Бологое* Н-Сок., дублирующая своим именем старый лимнонимный вариант *Бологое*, известный из книги Великолуцкого уезда 1-й половины XVII в., согласно [Янин, 1998, с. 172]. Лимноним *Ловчево* (оз. Мст) хотя и соотносится с формой апеллятива *ловчий*, но идет не прямо от него, а от имени средневековой приозерной д. *Ловчее* конца XV в. [НПК I, с. 201], которое в свою очередь унаследовало прежний деапеллятивный вариант лимнонима *Ловчее*, донесенный писцовой книгой XVI в. [ПКНЗ 4, с. 112] (равный форме *ловчее*, адъективу от новг. *ловец* 'рыбак, ловец рыбы'). Для *Волчево* (оз. 3-Дв) тоже скорее ожидается производство не от *волчий*, а от **Волчье*, деривата в рамках флексийной модели, более продуктивного в лимнонимии, чем суффиксальная модель на *-ево*. Значит, *Волчево* восходит к некоему старому ониму **Волчье* (**Волчья*, **Волчий*?), хотя статус его (названия смежного селения, ручья, речки?) без дополнительных историко-географических разысканий остается непроясненным.

Внешним дополнительным показателем деривации либо от старой вариантной формы, либо от микросистемного онима порой служит двуформантность структуры. Двуформантное *Оловенцево* (оз. Мст со стоком в р. *Оловенка*) явно получено от

забытого варианта **(О)ловенец*, и действительно, вблизи этого озера стояла д. *Ловейнец* XVI в. [НПК VI, с. 930], а само озеро параллельно называют *Ловенец*. Исконный вариант с основой *Лов(е)н-*, соотносимый с *ловити*, характеризовал *ловное* озера, т.е. озеро, где ловят рыбу, рыболовное. Название *Огнивцево* (оз. Луг со стоком в р. *Огнивка*) пошло от **Огнivec*, *Сосонцево* (оз. Влк) – от **Сосонец* или **Сосонцо*, *Теребенево* (оз. Луг), возможно, от онима с основой **Теребен’-* (ср. дд. *Теребени*, *Теребенец*, *Теребеник* в ИНПЗ), восходящего к новг. *теребёный* ‘расчищенный, очищенный от леса, кустов и т.п.’ или даже к *тэребень* ‘тот, кто дергает что-л.’ [НОС 11, с. 32–33]. В издании НОС 2010 г. причастия *теребёный* нет.

Некоторые лимнонимы демонстрируют не добавление суффиксального форманта, а его замещение, ср. уже упоминавшееся выше *Березово* (оз. Влк), возникшее от старой формы *Березно*. Другие показывают «перелицовку» под формантную структуру апеллятивов, неморфологически использованных в функции лимнонимов. Яркий пример – *Зиряево* (оз. Мст), которое развилось из средневековой формы *Озерев*: «на озерѣ на Озеревѣ», конец XVI в. [Неволин, 1853, с. 249 прил.], к др.-новг. термину *озерева* (*озерево*), обозначавшему пересыхающие озера, болотца и давно забытому современными говорами ИНПЗ, подр. [Васильев, 2012, с. 579–580]. Название оз. *Кряково* (Влк со стоком в р. *Кряква*), судя по форме речного имени, преобразовалось из *Кряква* субстантивного облика (= *кряква*, вид утки); причиной преобразования стало отталкивание озерного имени от омонимичного имени речки. Название оз. *Костоголово* Мст подстроилось под модель на *-ово* из своего более регулярного варианта *Костоголов*, сложенного парой основ: *Кост-* (: *кость*) + *голов-*, по смыслу ‘костоголовое’, хотя этот прихотливый образ не ясен. В лимнониме *Почево* (оз. Лвт у д. *Почеп* Тор. со стоком в р. *Почепянка*) формант является фантомным, поскольку название было сокращено из **Почепово*, похоже, из-за небрежности переписчика. *Почево* известно только из алфавитного списка псковских озер 1911 г., составленного Шкапским [Шкп]. Здесь учет микросистемы позволил выявить ошибку при записи, но такие ошибочные написания легко закрепляются и воспроизводятся.

Концовки *-ово/-ево* использовались в качестве дооформителей не только старых славянских озерных имен на *-о*, *-ое*, *-ее*, *-ье*, но и субстратных, неславянских, которые на первых порах регулярно адаптировались славянами чаще всего при помощи «озерной» флексии *-о*. Для данной лимнонимной группы не менее показательны факты сохранения старых вариантных форм. Таковы: *Липшово* – вариант *Липшо* (оз. 3-Дв) с самоочевидной параллелью *Lipšys* оз. в Литве, *Лимандрово* – вариант *Лимандро* (оз. Мст), отсылающий, похоже, к карел. *Lima-d’ärv(i)* ‘грязное озеро’, *Мегрово* – вариант *Мегро* (оз. Влк) с основой эст. *mägr, mäger* ‘барсук’. Сюда же отходит балтизм *Отолово* (оз. 3-Дв), продолжающий средневековое *Ватоло*, донесенное Торопецкой книгой 1540 г.: «над озером над Ватолом» [ПКНЗ 4, с. 655], к этимологии см. [Vasilyev, 2021, с. 151–152]. Название оз. *Встеселово / Стеселово* (Лвт у д. *Встеселово*, иначе *Встеселы* Кун.) наверняка имело облик **В(ь)стесело*, скорее всего композитной структуры, которая остается пока этимологической загадкой. *Кривоозеро*, или *Krivogrōjārv* (оз. Паш) возводится к **Кривоозро*, напоминающему русско-прибалтийско-финский гибрид, включающий слав. *крив-* (: *кривой*) вкуче с вероятным др.-фин. **jagr-*, обозначением озера. В свою очередь *Хаболово* (оз. Фин со стоком в р. *Хаболовка* близ

д. *Хаболово* Кинг.) вместе со смежным ойконимом, а скорее вслед за ним, оформилось из приб.-фин. структуры на *-la*, относившейся первоначально к селению: исторические источники упоминают до XVIII в. в этой местности д. *Habala / Хабула*, по данным [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Хаболово>]. *Оево* (оз. Чд-П) может считаться результатом осложнения эст. *oja* 'ручей' славянским *-ево*, хотя допустимы и другие объяснения. В псковском *Кудерево* (оз. Влк) произошло не добавление *-ево*, а «выкраивание», благодаря гаплогонии, славянского форманта из более ранних форм приб.-фин. лимнонима *Кудевер / Кудеверь* близ с. *Кудеверь* Беж.; скорее они идут из приб.-фин. **Kudu-järv(i)*, в переводе 'нерестовое озеро', ср. фин., карел. *kutu*, люд. *kudu*, вепс. *kudo, kudu* 'икра', 'нерест' [SSA 1, с. 453], хотя приводят и эст. *Kodavere* с фин. *kuotta* 'грязь' [Vasmer, 1934, с. 367]. Остается нераскрытым субстратное *Пузево* (оз. Лвт), хотя очевидно, что оно было подверстано к модели *-ево*, ср. более старое название р. *Пузна*, вытекающей из оз. *Пузево* близ д. *Пузево* Локн. Разумеется, к числу такого рода дооформленных и переоформленных фактов не относятся двусложные лимнонимы, в которых концовка *-ево* изначально была частью основы и заметно не изменилась; таковы «темные» субстратные *Сево* и *Малое Сево*, или *Севцо* (смежные озера Влк), равно как славянские архаизмы *Врево* (оз. Луг) и *Врево* (оз. Лвт у д. *Врево* Дн. со стоком в р. *Вревица*), о которых подр. [Васильев, 2012, с. 372 и след.].

В отличие от сотен лимнонимов, приходящиеся на регион ИНПЗ немногочисленные названия ручьев (риаконимы) на *-ово/-ево* нетрудно изложить исчерпывающим списком: *Хилово, Орехово, Крупово, Селково, Колобово, Медведово, Чудово, Березово, Глазово, Рычалово, Рипово, Топорово, Ячменево, Омшево, Хишево, Дружево, Гранево, Иванцево*. Со стороны семантического-мотивационной перечисленные риаконимы едва ли заметно отличимы от лимнонимов на *-ово/-ево*. Большинство из них тоже мотивированы именами и обозначениями лиц: *Хилово, Колобово, Чудово, Глазово, Рычалово, Хишево, Дружево, Медведово, Иванцево*, вероятно, и некоторые другие; меньшая доля откровенно поверяется апеллятивами, скажем, *Орехово* (руч. Влк), *Березово* (руч. Лвт близ ур. *Березово* Под.), *Гранево* (руч. Лвт), вместе с лимнонимами тождественного облика, обсужденными выше (см.), отсылают к *ореховый, березовый, *граневый* 'межевой' (или, скорее, к *грань* 'межа'), *Крупово* (руч. Мст) безусловно идет от др.-рус. *крупыи* 'мелкий, незначительный' [Васильев, 2012, с. 425–426], а *Омшево*, иначе *Омша* (руч. Мст), похоже, вторично получено от своего двусложного варианта, соотносимого с *мох, омшеть* 'замшеть, покрыться мхом'. Ограниченность списка не позволяет сделать более или менее широкие заключения. Обращает на себя внимание включенность ряда названий ручьев в отношении вариантности с формами на *-а* женского рода: *Чудово* (руч. Мст), *Топорово* (руч. Влк), *Ячменево* (руч. Мст), *Хишево* (руч. Пол), *Омшево* (руч. Мст) имеют более употребительные «речные» варианты, соответственно *Чудовка, Топоровка, Ячменевка, Хишевка, Омша*. Объяснение этому кроется в недостаточном подразделении местным населением понятий ручья как временного водотока и речки как постоянного водотока. «Речные» варианты на *-а* являются более поздними (кроме *Омша*), они получены под воздействием очень продуктивной молодой модели речных имен на *-ка*.

Более интересным кажется несоответствие морфологического среднего рода риаконимов на *-ово/-ево* мужскому роду опорного термина *ручей*. Преимущественный массив равносуффиксальных новгородско-псковских названий ручьев стандартно представлен скоординированными по родовому признаку дериватами на *-ов/-ев* (ручьи *Бобров, Куров, Трухнов, Крачнев, Лаптев* и т.п.), которых, по моим подсчетам, на просторах ИНПЗ набирается более полутора сотен. На фоне столь крупного массива редкие факты с концовками *-ово/-ево* могут объясняться разными причинами, включая чисто внешние, допустим, неточные записи названий на картах или невнятная дифференциация гидрообъектов самими составителями карт. Но скорее риаконимы на *-ово/-ево* явились не результатом случайных погрешностей, а имеют глубокие языковые истоки. В. Б. Крысько обосновывает, что в праславянском языке флексия *-о* именительного падежа характеризовала словоформы и мужского и среднего родов, хотя впоследствии в языках славян в **о*-склонении сложилась более стройная система с противопоставлением словоформ мужского рода на *-ъ* и среднего рода на *-о* в номинативе и аккузативе. По мнению исследователя, в древнем новгородско-псковском диалекте флексия *-о* утвердилась применительно к разным типам топонимов (в частности, среди ойконимии с концовками *-но, -ско* как *Дубьно, Изборьско* и др., в том числе в названии *Волхово* для р. Волхов), в отличие от многих других славянских диалектов, где суффиксальные топонимные модели закрепили на ее месте маскулинное окончание *-ъ*: *Дубьнь, Изборьскъ*). Судя по письменности, некоторые из архаических топонимных форм на *-о* были вытеснены к XV–XVI вв. в регионе Новгорода и Пскова [Крысько, 2007, с. 83–92], иначе говоря, замещены общерусскими формами с бывшей *-ъ*. В свете изложенной гипотезы новгородско-псковские риаконимы на *-ово/ево* следует, по-видимому, интерпретировать как самостоятельный структурный тип с пережиточным сохранением исконной флексии *-о* среднего рода.

Потамоним на *-ово* в моем гидронимном списке – *Волхово* как старый малоупотребительный вариант к названию *Волхов*, крупной новгородской реки, – кое-где еще сохраняется с древненовгородской эпохи в речи местного прибрежного населения: «Всё Волхово высохло, лето-то сухое было» Новг. + Чуд. [НОС 1, с. 135]. В [НОС, 2010] это название Волхова не отражено. Надо полагать, современные названия ручьев на *-ово/-ево* разделяют с *Волхово*, единственным в регионе ИНПЗ речным названием на *-ово*, общий архаическую, древненовгородско-псковскую особенность. Лучшая сохранность *-ово/-ево* применительно к ручьям объяснима периферийностью риаконимов как имен совсем незначительных гидрообъектов. Произошла своего рода «микронизация» некогда распространенного структурного типа, обеспечившая его пережиточное существование до настоящего времени.

Выводы. Названия с исходом *-ово/-ево* (всего более 350 в моем материале) образуют один из крупных «рифмованных» сегментов обратного гидроименника в регионе исторических Новгородско-Псковских земель. Данный сегмент состоит почти целиком из названий озер (примерно 95%), остальные – названия ручьев, или, по используемой мною терминологии, риаконимы. Большинство лимнонимов и риаконимов на *-ово/-ево* интерпретируются как дериваты с посессивным значением от личных собственных наименований и обозначений лиц. Другая часть водных имен

восходит к апеллятивной лексике, главным образом к относительным прилагательным с суффиксами *-ов/-ев-* или к существительным, мотивировавшим такие прилагательные. К отдельным водным именам на *-ово/-ево* в письменных источниках разного времени обнаруживаются иноформантные варианты, квалифицируемые обычно как ранние, исконные формы, от которых были образованы современные водные имена (путем наложения или замещения форманта или, реже, путем его народноэтимологического обособления по аналогии). При помощи славянских *-ово/-ево* был дооформлен ряд названий неславянского происхождения. Включенность лимнонимов на *-ово/-ево* в межтопонимные микросистемные отношения иногда конкретизирует их производство от соседней топонимии, особенно ойконимии.

Немногочисленные названия ручьев на *-ово/-ево* не координированы по морфологическому роду с термином *ручей*. Надо полагать, перед нами особый тип (как и в названии *Волхово* для р. Волхов), реликтивно отражающий еще праславянское, сохранявшееся древним новгородско-псковским диалектом состояние, при котором флексия *-о* в существительных **о*-склонения характеризовала словоформы и мужского и среднего родов.

Источники

- Герберштейн – Герберштейн, С. (2008). *Записки о Московии*, в 2 т. М.: Памятники исторической мысли.
- ГМ-Ост – Материалы Генерального межевания 1780-х гг.: Атлас Осташковского уезда. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1356. Оп. 1.
- Мызн. РДЭС – Мызников, С. А. (2019). *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов*. М.; СПб.: Нестор-История.
- НОС – Строгова, В. П. (Отв. ред.). (1992–1995). *Новгородский областной словарь*, вып. 1–12. Новгород: Издательство Новгородского пединститута; (2000). Вып. 13 (дополнительный). Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого.
- НОС 2010 – Левичкин, А. Н., & Мызников, С. А. (Подготовка издания). (2010). *Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН*. СПб.: Наука.
- НПК – *Новгородские писцовые книги*, изданные Археографической комиссией, т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- НПЛ – Цепков, А. И. (Подготовка издания). (2001). *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Рязань: «Александрия»; «Узорочье».
- ПKNЗ 4 – Баранов, К. В. (Сост.). (2004). *Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг.* М.: «Древлекхранилище».
- СлРЯ XI–XVII 4 – Бархударов, С. Г. (Гл. ред.). (1977). *Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 4*. М.: Наука.
- СРНГ – Сороколетов, Ф. П. (Ред.). (2002–2004–). *Словарь русских народных говоров*. 2-е изд., исправленное. Вып. 1–38–. СПб.: Наука.
- Шкп – Шкапский, О. А. (1912). *Озера Псковской губернии (их естественно- историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов*. Псков: Издательство Электр. типо-лит. Губ. земства.
- SSA – E. Itkonen, U.-M. Kulonen (Päätoim.) (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. O. 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Литература

- Агеева, Р. А. (1989). *Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. М.: Наука.
- Васильев, В. Л. (2012). *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Рукописные памятники Древней Руси.
- Крысько, В. Б. (2007). *Очерки по истории русского языка*. М.: Гнозис.
- Меркулова, В. А. (1967). *Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды*. М.: Наука.
- Неволин, К. А. (1853). *О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.

Source

- DRFD – Sorokoletov, F. P. (Ed.). (2002-2004–). *Dictionary of Russian folk dialects*. 2nd ed., corrected. Issue 1-38–. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)
- DRL XI-XVII 4 – Barkhudarov, S. G. (Chief Editor). (1977). *Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries*, vol. 4. Moscow: Nauka. (In Russian)
- GLS-Ost – Materials of the general land-surveying of the 1780s: Atlas of Ostashkovsky district. The Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1356. Op. 1. (In Russian)
- Herberstein – Herberstein, S. (2008). Notes on Muscovy, in 2 volumes. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli. (In Russian)
- Myzn. RDED – Myznikov, S. A. (2019). *Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)
- NFC – Tsepkov, A. I. (Preparation of the publication). (2001). *The Novgorod first chronicle of the elder and younger versions*. Ryazan: "Alexandria"; "Uzorochye". (In Russian)
- NRD – Strogova, V. P. (Ed.). (1992-1995). *Novgorod regional dictionary*, vol. 1–12. Novgorod: Novgorod Pedagogical Institute Publ.; (2000). Issue 13 (additional). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise NovSU. (In Russian)
- NRD 2010 – Levichkin, A. N., & Myznikov, S. A. (Preparation of the publication). (2010). *Novgorod regional dictionary / The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)
- NSB – *Novgorod scribal books* published by the Archeographic Commission, vol. I–VI. St. Petersburg, 1859-1910. (In Russian)
- SBNL 4 – Baranov, K. V. (Comp.). (2004). *Scribal books of the Novgorod land*. Vol. 4: Scribal books of the Village Pyatina of the 1530s-1540s. Moscow: "Drevlekhranishche". (In Russian)
- Shkp – Shkapsky, O. A. (1912). *Lakes of Pskov province (their natural-historical characteristics and economic significance). With the mapping of lake districts*. Pskov: Elektr. tipo-lit. Gubernia zemstvo Publ. (In Russian)
- SSA – Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Päätoim.) (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. O. 1-3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

References

- Ageeva, R. A. (1989). *Hydronymy of the Russian North-West as a source of cultural and historical information*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Krysko, V. B. (2007). *Essays on the history of the Russian language*. Moscow: Gnozis. (In Russian)
- Merkulova, V. A. (1967). *Essays on the Russian folk nomenclature of plants. Herbs. Mushrooms. Berries*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Nevolin, K. A. (1853). About pyatinas and churchyards of Novgorod in the 16th century. With map application. St Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russian)
- Podolskaya, N. V. (1983). *Typical East Slavic Topobases: Derivational Analysis*. Moscow: Nauka. (In Russian)

Подольская, Н. В. (1983). *Типовые восточнославянские топонимы: Словообразовательный анализ*. М.: Наука.

Подольская, Н. В. (1990). Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса). *Вопросы языкознания*, № 3.

Попов, А. И. (1981). Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука. Ленинградское отделение.

Трусман, Ю. Ю. (1897). *Этимология местных названий Псковского уезда*. Ревель: Типография Г. Матизена.

Трусман, Ю. Ю. (1898). *Чудско-литовские элементы в новгородских пятинах. Ч. 1. Пятины Водская, Деревская и Шелонская*. Ревель: Типография Г. Матизена.

Янин, В. Л. (1998). *Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков*. М.: Издательство Московского университета.

Vasilyev, V. L. (2021). Toponymic Baltisms near the Upper Volga Lakes. *Acta Linguistica Lithuanica*, LXXXV, 141–159. DOI: doi.org/10.35321/all85.

Vasmer, M. (1934). Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philos.-hist. Klasse)*. Berlin, II, 35–440.

Podolskaya, N. V. (1990). Problems of onomastic word formation (to the formulation of the question). *Voprosy yazykoznaviya*, No. 3. (In Russian)

Popov, A. I. (1981). *Traces of the past. From the history of geographical names of the Leningrad, Pskov and Novgorod regions*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye. (In Russian)

Trusman, Y. Y. (1897). *Etymology of local names of the Pskov district*. Revel: Tipografiya G. Matizena. (In Russian)

Trusman, Y. Y. (1898). *Chud'-Lithuanian elements in the Novgorod Pyatina. Part 1. Pyatina Vodskaya, Derevskaya and Shelonskaya*. Revel: Tipografiya G. Matizena. (In Russian)

Vasiliev, V. L. (2012). *Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land*. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. (In Russian)

Vasilyev, V. L. (2021). Toponymic Baltisms near the Upper Volga Lakes. *Acta Linguistica Lithuanica*, LXXXV, 141–159. DOI: doi.org/10.35321/all85. (In English)

Vasmer, M. (1934). Contributions to the historical ethnology of Eastern Europe. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philos.-hist. Klasse)*. Berlin, II, 35–440. (In German)

Yanin, V. L. (1998). *Novgorod and Lithuania: border situations of the XIII-XV centuries*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Список сокращенных наименований главных водных бассейнов и районов областей

- Андр. – Андреапольский район Тверской области
- Бат. – Батецкий район Новгородской области
- Беж. – Бежаницкий район Псковской области
- Бол. – Бологовский район Тверской области
- Бор. – Боровичский район Новгородской области
- Валд. – Валдайский район Новгородской области
- Влг – бассейн реки Волги
- Влк – бассейн реки Великой
- В-Лук. – Великолукский район Псковской области
- Гд. – Гдовский район Псковской области
- Дн. – Дновский район Псковской области
- З-Дв – бассейн реки Западной Двины
- Кинг. – Кингисеппский район Ленинградской области
- Кун. – Куньинский район Псковской области
- Лвт – бассейн реки Ловати
- Лдж – приток(и) Ладожского озера (кроме рек Волхов, Сясь)
- Локн. – Локнянский район Псковской области
- Луг – бассейн реки Луги
- Макс. – Максатихинский район Тверской области

Мар. – Марёвский район Новгородской области
Млг – бассейн реки Мологи
Мст – бассейн реки Мсты
Н-Рж. – Новоржевский район Псковской области
Н-Сок. – Новосокольнический район Псковской области
Ок. – Окуловский район Новгородской области
Остр. – Островский район Псковской области
Палк. – Палкинский район Псковской области
Паш – бассейн реки Паши
Пен. – Пеновский район Тверской области
Плс – бассейн реки Плюссы
Плюс. – Плюский район Псковской области
Под. – Поддорский район Новгородской области
Пол – бассейн реки Полы
Пуст. – Пустошкинский район Псковской области
Себ. – Себежский район Псковской области
Сяс – бассейн реки Сяси
Тор. – Торопецкий район Тверской области
Удом. – Удомельский район Тверской области
Фин – притоки Финского залива (кроме рек Нева, Луга)
Хв. – Хвойнинский район Новгородской области
Чаг. – Чагодощенский район Вологодской области
Чд-П – приток(и) Чудско-Псковского озера (кроме реки Великая)

Для цитирования статьи:

Васильев, В. Л. (2022). Водные имена на -ово/-ево в исторических Новгородско-Псковских землях. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 38–52.
DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-38-52

For citation:

Vasiliev, V. L. (2022). Water names ending with -ovo/-evo in historical Novgorod and Pskov lands. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 38–52. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-38-52

ПРИКЛАДНАЯ ОНОМАСТИКА / APPLIED ONOMASTICS

Лингвокультурологическое комментирование онима как способ формирования лингвокраеведческой компетенции инофона

Л. С. Головина

Linguistic and cultural commentary on onyms as a way of forming the linguistic and socio-cultural competence of non-native learners

L. S. Golovina

Любовь Сергеевна Головина – кандидат филологических наук; Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

E-mail: golovinapsk@yandex.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

Цель работы – рассмотрение этапов и особенностей составления учебных текстов, которые бы способствовали решению сразу двух задач – лингвистического образования в рамках предвузовского обучения и социокультурной адаптации инофонов к условиям жизни в новом регионе. В статье описываются особенности лингвокультурологического комментирования онима, которое, по мнению автора, должно строиться на основе семантического анализа имени и включать раскрытие сем как ядра структуры значения (денотат, референт, сигнификат), так и периферии, к которой относятся культурно-исторический, коммуникативно-ситуативный и эмоционально-оценочный компоненты. При этом подчеркивается, что само лингвокультурологическое описание в «чистом виде» не может стать объектом рассмотрения на занятии: работа в иноязычной аудитории требует упрощения синтаксических конструкций, подбора лексических единиц, соответствующих уровню владения языком студентов, использования внутритекстовых пояснений. Главными условиями отбора лексики для лингвокультурологического описания в рамках формирования лингвокраеведческой компетенции автор называет учет актуальности имени собственного, а также методическую целесообразность его использования на конкретном этапе обучения русскому языку как иностранному. В качестве примера в статье приведены два учебных текста – о Троицком соборе, главной святыне Псковской земли, и жизни А. С. Пушкина в Михайловском.

Ключевые слова: оним, лингвокультурологический комментарий, лингвокраеведческая компетенция

УДК 81-139

Lyubov S. Golovina – Candidate of Philological Sciences; Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5156-4998

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

The article discusses the method of linguoculturological commenting on proper names in the process of forming the linguistic and socio-cultural competence of foreign students. The purpose of the study is to consider the stages and features of the compilation of educational texts that will contribute to the solution of two tasks at once – linguistic education and socio-cultural adaptation of non-native learners to living conditions in a new region. In the article, the author describes the features of linguoculturological commenting on an onym, which is based on its semantic analysis. This analysis reveals the components of both the core of the structure of meaning (denotation, referent, signifier) and the periphery which includes cultural-historical, communicative-situational and emotional-evaluative components. At the same time, the author emphasizes that the linguistic and cultural description cannot become an object of study in the classroom: working with non-native learners requires simplification of syntactic constructions, selection of lexical units that correspond to the level of students' language proficiency, the use of in-text explanations. According to the author, the main conditions for the selection of vocabulary for linguistic and cultural description in the process of forming linguistic competence are considering the relevance of the proper name and the methodological expediency of its use at a specific stage of teaching Russian as a foreign language. As an example, the article presents two educational texts – about the Trinity Cathedral, the main attraction of Pskov, and about the life of A. S. Pushkin in the village of Mikhailovskoy.

Keywords: onym, linguoculturological commentary, regional communicative competence

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. Сегодня образовательная мобильность молодых людей стала обыденным явлением. С развитием Интернета потенциальные студенты получают право выбора университета, который может быть расположен в любой точке планеты. И речь сейчас идет не только о дистанционном процессе обучения, но и об

очном: системы быстрых денежных переводов из любой страны, возможность общения с родными в режиме реального времени дали новый толчок к образовательной миграции. Ежегодно тысячи студентов покидают родную страну с целью получения образования в привлекательных для них стране и вузе. Как результат, и в большинстве российских университетов стало нормой обучение зарубежных студентов со всех континентов, для которых овладение русским, единственным государственным языком на территории РФ, является одним из главных необходимых условий реализации этой возможности.

Формирование коммуникативной компетенции является базовой задачей подготовительных отделений вузов, где уже достаточно успешно налажена эта работа благодаря огромному количеству учебников и пособий по русскому языку как иностранному (РКИ). При этом основной акцент делается на лингвистической составляющей компетенции, а ряду частных, в том числе лингвокраеведческой, уделяется не так много внимания, что, на наш взгляд, неоправданно, ведь от нее зависит комфортность пребывания инофона в новой социокультуре. Поэтому перед нами встал вопрос поиска способа формирования лингвокраеведческого компонента коммуникативной компетенции иностранных студентов, проживающих в Пскове без отрыва от основных языковых занятий, что позволило бы обеспечить и высокую мотивацию к овладению лингвистическими знаниями, и повысить уровень осведомленности о культурно-исторических и современных особенностях данного региона.

На наш взгляд, одним из оптимальных вариантов может стать работа с региональной ономастикой, которая является уникальным хранилищем самобытности русской культуры и представляется универсальным средством трансляции лингвокультурологических знаний иноязычной аудитории.

История вопроса. В современной педагогике социокультурная и лингвокраеведческая компетенции признаются важными компонентами интегративной коммуникативной компетенции, овладение которой является необходимым для инофона. Это дает возможность обеспечить более легкий и безболезненный его вход в новую лингвосоциокультурную среду, преодолеть явление культурного шока, которое так часто сопровождает, например, абитуриентов из Африки и Латинской Америки.

Концепция коммуникативной компетенции рассматривалась в трудах как отечественных, так и зарубежных специалистов. Первым российским ученым, который заговорил о необходимости ее формирования при изучении иностранного языка был М. Н. Ватютнев, определявший коммуникативную компетенцию как способность человека общаться в трудовой или учебной деятельности, удовлетворяя свои интеллектуальные запросы [Ватютнев, 1986]. При рассмотрении структуры

компетенции основной акцент делался на сложности и многокомпонентности данной системы ([Балыхина, 2007; Гальскова, 2006; Ветчинова, Петрова, 2021]). К ее основным составляющим относятся лингвистический, социолингвистический и прагматический компоненты [Бочарникова, 2009], остальные представляются вариативными. Один из таких компонентов – лингвокраеведческий, особо важный в условиях адаптации иностранца к реалиям нового окружающего пространства. При этом Т. Н. Доминова использует термин лингвокраеведческая компетенция, «которая представляет собой один из элементов коммуникативной компетенции и является совокупностью регионально-культурных фоновых знаний и лингвокраеведческих навыков и умений» [Доминова, 2012, с. 51]. В своей работе мы также будем использовать данный подход.

Вопрос лингвокультурной адаптации иностранцев в регионе поднимался в отечественной педагогике неоднократно. А. А. Насырова определяла «регион» как «образ ближайшего пространства обучающегося, отражающий субъективный опыт познания окружающей действительности», и отмечала значимость фактора «региональной идентичности» для формирования языковой личности инофона [Насырова, 2013, с. 10]. Одним из самых популярных способов адаптации признается знакомство и приобщение к культурным особенностям места, изучение его истории и традиций.

Развитие в конце XX века нового направления науки – лингвокультурологии [Алефиренко, 2010; Верещагин, Костомаров, 2005; Маслова, 2001; Хроленко, 2009] позволило заложить основы преподавания русского языка как иностранного через призму культурных знаний: стало возможным без отрыва от учебного процесса получить важную информацию, сосредоточенную в лингвокультурологическом фоне языкового знака.

Аксиоматичность факта устойчивой связи между языком и культурой сегодня принимается всеми. По мнению В. А. Масловой, каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, а значит, языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры [Маслова, 2001, с. 63]. Особую роль в формировании национальной языковой картины мира играет безэквивалентная лексика, в том числе ономастика. По утверждению В. А. Ражиной, ономастическое пространство, являясь значимым элементом в системе языка и культуры, способствует постижению национальной культуры этноса; имена собственные – единицы, которые в максимальной степени воплощают культурно-исторический опыт нации [Ражина, 2007, с. 21].

Методология и методика исследования. Методологией настоящего исследования явились цивилизационный, предполагающий повышенное внимание к духовному наследию разных стран, и культурологический, направленный на передачу и создание культурных ценностей в сфере образования, подходы. В работе использованы логический метод (теоретический), изучение опыта ведущих научных школ в области ономастики и лингвокультурологии, и личного педагогического опыта в университете (эмпирический).

Методологическую основу исследования составляет лингвокультурологическое учение, а именно положения о механизмах трансляции взаимосвязи языка и культуры в иноязычной аудитории. Материалом исследования стали единицы лексического минимума онимов Псковской области, определенного в 2018 году преподавателями ПсковГУ М. В. Абрамовой и Л. С. Головиной с учетом их актуальности для иностранных студентов, а также методической целесообразности их использования на конкретном этапе обучения русскому языку как иностранному [Абрамова, Головина, 2018].

Анализ материала. С целью развития лингвокраеведческой компетенции инофона нами были разработаны учебные тексты, которые сопровождаются лингвокультурологическим комментированием, раскрывающим семантику ряда онимов Пскова.

В современной лингвистике нет единого представления о семантической структуре онима. Однако можно с уверенностью говорить о ее многокомпонентности: часть компонентов образуют ядро (денотативный, референтный и сигнификативный), а оставшиеся – периферию значения, определяя которую, ученые, как правило, подчеркивают ее коннотативное содержание [Алефиренко, 2010; Супрун, 2000; Рут, 2001; Васильева, 2020] или прагматический характер [Скляревская, 1997; Березович, 2007; Крюкова, 2011; Бубнова, 2018]. В своем исследовании при анализе значения имени мы использовали модель периферии, включающей несколько компонентов: эмотивно-оценочный, коммуникативно-ситуативный и культурно-исторический.

Как отмечалось ранее, круг псковских онимов, национально-культурный компонент семантики которых предполагалось рассмотреть на занятии РКИ, был очерчен и аргументирован в ходе научного исследования несколькими годами ранее [Абрамова, Головина, 2018]. Таким образом, в данной статье будет представлена непосредственная лингвистическая и методическая работа с некоторыми лексическими единицами. Сразу отметим, что создаваемые учебные тексты ориентированы на работу с иностранными студентами, обучающимися на предвузовских программах и владеющими русским языком на базовом уровне (A2).

Работа проводилась в несколько этапов. На первом предстояло раскрыть все компоненты значения выбранного имени – ядерные и периферийные: на наш взгляд, национально-культурный компонент семантики слова (в нашем случае – онима), включает не только культурно-исторический фон или всю прагматическую (коннотативную) зону семантики имени, но и всю совокупность этнокультурно маркированных сем, в том числе присутствующих в ядерных компонентах значения.

Второй этап предполагал на основе полученного лингвистического анализа создание учебного текста, отвечающего требованиям обучения иностранному языку на соответствующем уровне: упрощение конструкций, подбор и замена лексики, соответствующей лексическому минимуму языкового уровня студентов.

Третий этап работы ставил своей задачей подготовку предтекстовых и послетекстовых заданий, которые способствовали бы повторению и запоминанию наиболее важной информации об имени.

Представим готовый вариант учебного текста для инофонов, знакомящего их с *Троицким собором*.

Задание 1. Прочитайте текст и вставьте пропущенные слова (используй слова для справки после текста).

Троицкий собор

Троицкий собор _____ самым главным храмом в Пскове. Первое деревянное здание псковичи _____ в десятом веке в самом центре города. Но оно _____ в пожаре. А современное каменное здание _____ в 1699 году. Его высота – 78 метров.

Историки _____, что идея построить собор в Псковском Кремле принадлежит княгине Ольге, которая родилась недалеко от города. По легенде, русская княгиня _____ около реки Великой и увидела три луча солнца, которые падали с неба. Ольга _____, что это знак от Бога, и приказала построить на этом месте храм.

Полное название храма – Свято-Троицкий. Оно дано в честь Святой Троицы – главного символа православного христианства. Но псковичи обычно говорят просто Троицкий собор. Интересно, что маленький мост через реку Пскову, по которому каждый день ходят жители города тоже называется Троицким, потому что находится недалеко от собора.

С самого начала псковичи очень _____ этот храм, поэтому рядом с ним проходили самые важные события в истории города. Здесь люди _____ проблемы, собирались на войну, играли свадьбы. И сегодня Троицкий собор – главная достопримечательность Пскова. Это самый большой и красивый храм Псковской области. Туристы _____ посмотреть его со всех уголков страны и даже других стран.

Слова для справок: являться, говорить, построить, подумать, сгореть, гулять, полюбить, обсуждать, приезжать.

На первый план для инофона, разумеется, выходит задание по дополнению текста необходимыми по смыслу глаголами в нужной форме. И лишь после восстановления текста, его повторного прочтения, организуется работа по усвоению фоновых знаний, стоящих за именем, через вопросно-ответную форму.

Ядерные компоненты семантики онима раскрываются через следующие вопросы:

1. *Что такое Троицкий собор?*
2. *Где он находится?*
3. *Какова его высота?*
4. *Из чего сделан современный Троицкий собор?*

Периферия семантики рассматривается с помощью трех вопросных блоков, соответствующих трем компонентам:

- культурно-исторический
 5. *Когда построили первое здание Троицкого собора?*
 6. *Из чего оно было сделано?*
 7. *Кто приказал построить собор?*
- эмотивно-оценочный
 8. *Почему все важные исторические события Пскова происходили рядом с собором?*
 9. *Почему все туристы спешат посмотреть именно Троицкий собор?*

- коммуникативно-ситуативный

10. Почему собор псковичи назвали Троицким?

11. Какое полное название собора?

12. Почему один из мостов Пскова называется Троицким?

Таким образом, очевидно, что работа со специально разработанным учебным текстом-комментарием позволяет акцентировать внимание инофонов на лингвокультурологически ценной информации. При этом возможно организовать и полноценную языковую работу, в данном случае возможность проработки форм употребления глаголов.

Имя А. С. Пушкина очень тесно связано с Псковской областью. Сегодня в Пскове есть улица Пушкина, драматический театр им. А. С. Пушкина, памятник А. С. Пушкину и крестьянке. Все объекты расположены в центральной части города, где находится и сам университет. Именно поэтому невозможно обойти вниманием это имя, так часто звучащее в речи псковичей. Рассмотрим возможности лингвокультурологического комментирования антропонима в процессе изучения РКИ на примере прецедентного имени А. С. Пушкин.

В методическом плане установка на выполнение задания формулировалась следующим образом: «Прочитайте высказывания и выберите правильный ответ». Исходя из того факта, что имя Пушкина действительно широко известно за пределами нашей страны, нам показалось возможным предложить как дотекстовую работу задание по оценке истинности высказываний.

1) Пушкин родился в Псковской области.

2) Михайловское – маленький город.

3) Пушкин написал в Михайловском самые известные произведения.

4) В Михайловское приезжает много туристов, потому что они хотят увидеть место, где жил и работал поэт.

5) Псковичи гордятся, что поэт очень любил нашу область.

6) В Пскове есть улица Пушкина и памятник поэту.

Притекстовая работа содержала установку на чтение и проверку правильности своих догадок из предыдущего упражнения.

Пушкин в Михайловском

Александр Сергеевич Пушкин – великий русский писатель. Он родился 6 июня 1799 года в Москве. Его отец Сергей Львович был военным офицером, а мать Надежда Осиповна занималась домашними делами. У семьи Пушкиных были земли в разных уголках России. Но после рождения маленького сына они уехали на один год в Псковскую область – деревню Михайловское, которую уже взрослый Александр Сергеевич полюбит всем сердцем.

Александр Сергеевич был не только талантливым, но и очень активным человеком. Он принимал участие в разных общественных организациях, некоторые из которых были тайные, то есть незаконные. И в 1824 году русский царь запретил Пушкину жить в столице и отправил молодого поэта в Михайловское. В этой маленькой далёкой от Петербурга деревне Александр Сергеевич жил два года. Он не мог видеть друзей и

путешествовать, поэтому много работал – писал стихи, сказки, поэмы. Именно это время, когда Пушкин жил в Псковской области, называют золотым для писателя. Здесь родились его самые известные произведения – драма «Борис Годунов», роман в стихах «Евгений Онегин», стихотворение «Я помню чудное мгновенье» и другие.

Сегодня Михайловское – музей поэта. Каждый день сюда приезжают туристы, чтобы познакомиться с миром самого известного и любимого русского писателя. А недалеко от села находится маленький город Пушкинские горы, в котором находится могила А. С. Пушкина. Конечно, настоящих гор в Псковской области нет, но есть холмы, которые местные жителями очень часто называют горами.

Жители Псковской области очень гордятся тем, что Александр Сергеевич жил и работал здесь. Поэтому назвали в его честь некоторые городские объекты. Например, в Пскове мы можем погулять по улице Пушкина, посмотреть спектакль в драматическом театре имени А. С. Пушкина или сфотографироваться около памятника Пушкину и крестьянке.

Рассмотренный учебный текст также в своем основании имеет анализ семантической структуры онима *А. С. Пушкин*: здесь нашли отражение как ядерные (*Александр Сергеевич Пушкин – великий русский писатель*), так и прагматические компоненты: краткая биографическая справка раскрывает семы культурно-исторического компонента; информация о включении онима *Пушкин* в именовании городского пространства и этимология названия *Пушкинские горы* – семы коммуникативно-ситуативного компонента, а часть текста с описанием чувств и эмоций, связанных с именем поэта – семы эмотивно-оценочного компонента.

Результаты исследования. Система работы подготовительных отделений российских вузов, опирающихся в процессе обучения языку на универсальные учебники, оправдана, ведь на первый план с точки зрения необходимых и достаточных условий получения образования иностранцем выходит базовое знание русского как государственного языка. Было бы сложно и необоснованно разрабатывать каждому отдельному региону России свой учебник РКИ с точки зрения формирования лингвокраеведческого компонента коммуникативной компетенции. Поэтому каждый преподаватель находит свои пути дополнения. В своем исследовании мы выдвинули гипотезу, согласно которой, лингвокультурологическое описание онимов, в значении которых содержится национально-культурный компонент семантики, «привязанной» к региону, станет отличным источником формирования рассматриваемого компонента.

Таким образом, мы определили практической целью лингвокультурологического комментирования онимов приобретение иностранными учащимися лингвокраеведческой компетенции, под которой понимается способность инофона решать значимые для него задачи в различных сферах общения и деятельности средствами русского языка в условиях определенного регионального лингвосоциума.

Разумеется, формирование данной компетенции может происходить стихийно, но это будет давать «усеченный» или искаженный ее вариант. Мы же предложили путь целенаправленной работы над формированием лингвокраеведческой компетенции под контролем преподавателя.

Выводы. Из материалов статьи можно сделать следующие заключения:

Лингвокраеведческая компетенция является важным элементом коммуникативной компетенции инофона и представляет собой совокупность фоновых знаний о регионе и лингвокраеведческих навыков и умений. Рассматриваемая компетенция наряду с лингвистической, социолингвистической и прагматической в составе коммуникативной требует равноценной работы в ходе ее формирования.

Основу работы по формированию лингвокраеведческой компетенции должен составлять региональный материал, что позволит инофону успешно осуществлять коммуникативное взаимодействие в отдельно взятом субъекте. Процесс включения региональной лексики в курс русского языка вызывает трудность, которая может решиться в том числе за счет включения специально разработанных учебных текстов, основывающихся на лингвокультурологическом комментарии.

Система дотекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий таких учебного текста позволяет не только акцентировать внимание инофонов на лингвокультурологически ценной информации, но и продолжить работу над языковыми знаниями и умениями иностранных студентов.

Литература

References

Абрамова, М. В., & Головина Л. С. (2018). *Формирование речевой культуры иностранных студентов с использованием регионального материала*. Великие Луки: ООО «Великолукская типография».

Алефиренко, Н. Ф. (2010). *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*. Москва: Флинта: Наука.

Балыхина, Т. М. (2007). *Методика преподавания русского языка как неродного (нового)*. Москва: Издательство РУДН.

Березович, Е. Л. (2007). *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*. Москва: Индрик.

Бубнова, Н. В. (2018). Прецедентные смоленские антропонимы в составе общенациональных фоновых знаний. *Язык и культура*. 44. 6–28.

Васильева, О. А. (2020). Характеристика ономастических единиц субзоны "телевизионные зоонимы" в составе ономастического поля с гиперсемой 'свинья'. *Поволжский педагогический вестник*. Т.8. 1 (26). 41–47.

Верещагин, Е. М., & Костомаров, В. Г. (2005). *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*. Москва: Индрик.

Ветчинова, М. Н., & Петрова, В. А. (2021). Теоретические аспекты формирования коммуникативной компетенции студентов вузов в рамках компетентностного подхода. *Язык и культура*. 53. 2021. 145–161.

Вятютнев, М. Н. (1986). *Традиции и новации в современной методике преподавания русского языка и литературы: Доклады советской делегации на конгрессе МАПРЯЛ*. Москва: Русский язык. 79-84.

Гальскова, Н. Д. (2006). *Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика*. Москва: Академия.

Доминова, Т. Н. (2012). Лингвокраеведческая компетенция иностранных студентов. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 3. 51–55.

Крюкова, И. В. (2011). Прагматика онама: направления исследований и методика анализа. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. № 8. 139-143.

Маслова, В. А. (2001). *Лингвокультурология*. Москва: Академия.

Насырова, А. А. (2013). *Формирование регионально-ориентированной коммуникативной компетенции бакалавра лингвистики*. Клининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Ражина, В. А. (2007). *Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты*. Краснодар: Издательство КГУ.

Рут, М. Э. (2001). Антропонимы: размышления о семантике. *Известия Уральского государственного университета*. № 20. 176–182.

Abramova, M. V., & Golovina L. S. (2018). *Formation of speech culture of foreign students using regional material*. Velikiye Luki: Velikolukskaya tipografiya. (In Russian)

Alefirenko, N. F. (2010). *Linguoculturology: the value-semantic space of language*. Moscow: Flint: Nauka. (In Russian)

Balykhina, T. M. (2007). *Methods of teaching Russian as a non-native (new) language*. Moscow: RUDN. (In Russian)

Berezovich, E. L. (2007). *Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Bubnova, N. V. (2018). Precedent Smolensk anthroponyms as part of the national background knowledge. *Yazyk i kultura*, 44, pp. 6–28. (In Russian)

Dominova, T. N. (2012). Linguistic competence of foreign students. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 3, pp. 51–55. (In Russian)

Galskova, N. D. (2006). *Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology*. Moscow: Academiya. (In Russian)

Hrolenko, A. T. (2009). *Fundamentals of linguoculturology*. Moscow: Flint. (In Russian)

Kryukova, I. V. (2011). Onym pragmatics: research directions and methods of analysis. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 139–143. (In Russian)

Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Academiya. (In Russian)

Nasyrova, A. A. (2013). *Formation of a regionally-oriented communicative competence of a Bachelor of Linguistics*. Kliningrad: Baltijskij federalnyj universitet im. I. Kanta. (In Russian)

Razhina, V. A. (2007). *Onomastic realities: linguoculturological and pragmatic aspects*. Krasnodar: KSU. (In Russian)

Ruth, M. E. (2001). Anthroponyms: Reflections on semantics. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 20, pp. 176–182. (In Russian)

Sklyarevskaya, G. N. (1997). On the question of pragmatic information in explanatory dictionaries: are pragmatic marks possible? *Linguistic pragmatics in the dictionary. Types of implementation and methods of description: collection of articles*. St. Petersburg, pp. 6–13. (In Russian)

Suprun, V. I. (2000). *The onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential*. Volgograd: VSPU. (In Russian)

Vasilyeva, O. A. (2020). Characteristics of onomastic units of the "TV zoonyms" subzone as part of the onomastic field with the "pig" hyperseme. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, vol. 8, no. 1 (26), pp. 41–47. (In Russian)

Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (2005). *Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Скляревская, Г. Н. (1997). К вопросу о прагматической информации в толковых словарях: возможны ли прагматические пометы? *Лингвистическая прагматика в словаре. Виды реализации и способы описания: сборник статей*. Санкт-Петербург. 6-13.

Супрун, В. И. (2000). *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*. Волгоград: Издательство ВГПУ.

Хроленко, А. Т. (2009). *Основы лингвокультурологии*. Москва: Флинта.

Vetchinova, M. N., & Petrova, V. A. (2021). *Theoretical aspects of the formation of communicative competence of university students within the competence approach*. *Language and culture*, 53, pp. 145–161. (In Russian)

Vyatyutnev, M. N. (1986). *Traditions and innovations in modern methods of teaching Russian language and literature: Reports of the Soviet delegation at the MAPRYAL Congress*. Moscow: Russkiy yazyk, pp. 79–84. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Головина, Л. С. (2022). Лингвокультурологическое комментирование онима как способ формирования лингвокраеведческой компетенции инофона. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 53–62. DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-53-62

For citation:

Golovina, L. S. (2022). Linguistic and cultural commentary on onyms as a way of forming the linguistic and socio-cultural competence of non-native learners. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 53–62. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-53-62

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА / YOUNG VOICES

Ономастическая «карта» русского рэпа

Э. М. Аскерова, А. А. Дивеева

Onomastic map of Russian rap lyrics

E. M. Askerova, A. A. Diveeva

Эльвира Мулкадаровна Аскерова – студентка 3 курса; Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

E-mail: emaskerova@chsu.ru

Алина Альбертовна Дивеева – старший преподаватель; Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

E-mail: alina-diveeva@yandex.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

В данной статье рассматривается вопрос о функционировании поэтонимов в рэп-текстах. Новизна исследования видится в том, что изучение имён собственных, являющихся неотъемлемой частью рэп-текста, позволяет наиболее полно охарактеризовать специфику жанра рэпа как части словесной культуры и описать его лингвокультурный потенциал. Выбор понятия *поэтоним* в качестве ключевого термина обусловлен представлением об иных семантических и прагматических свойствах имени собственного, выявляемых в художественных текстах в сопоставлении с текстами других дискурсов. Представлены результаты описательно-аналитического наблюдения над жанровыми особенностями рэп-текстов, экстралингвистическими, лингвистическими факторами, оказывающими влияние на активное использование поэтонимов в рэп-текстах. Особое внимание уделяется анализу наиболее часто встречающихся групп поэтонимов: антропонимов, топонимов и прагматонимов. Авторы статьи останавливаются на стилистических приёмах, тропах, интертекстуальных включениях как основных способах включения поэтонимов в состав рэп-текстов. Выявлено, что поэтонимы играют особую роль в содержательном наполнении и конструировании семантической оппозиции «свой – чужой» в рэп-текстах. Исследование показало, что поэтонимы, выступая в качестве «фильтра» своих слушателей, способны вскрывать целый пласт «затекстовых» знаний об историческом прошлом и современных актуальных проблемах российского общества. Определены основные функции поэтонимов в рэп-текстах: текстопорождающая, экспрессивная, интегрирующая, креативная, символическая. Поэтонимы определяют эстетическое качество рэп-текста, а также обеспечивают его включённость в контекст национальной русской культуры.

Ключевые слова: рэп-текст, ономастикон, поэтоним, функция, прагматика

УДК 811.161.1

Elvira M. Askerova – 3rd year student; Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2038-8084

Alina A. Diveeva – Senior Lecturer; Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9692-3886

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

This article discusses the question of the functioning of poetonyms in rap texts. Currently, there are not so many studies devoted to the onomastic space of rap texts. The novelty of the research is in the fact that the study of proper names which are an integral part of the rap text allows us to fully understand the specifics of the rap genre as part of verbal culture and describe its linguistic and cultural potential. Traditional linguistic methods are used to characterize the onomastic space of rap texts. The choice of the concept of a poetonym as a key term is due to the idea of other semantic and pragmatic properties of a proper name, functioning in a literary text in comparison with texts of other discourses. The results of descriptive and analytical observation of genre features of rap texts, extralinguistic, linguistic factors influencing the active use of poetonyms in rap texts are presented. Special attention is paid to the analysis of the most common groups of poetonyms including anthroponyms, toponyms and pragmatonyms. The authors of the article focus on stylistic techniques, tropes, intertextual inclusions as the main ways of including poetonyms in rap texts. It has been revealed that poetonyms play a special role in the content and construction of the semantic opposition "us – them" in rap texts. The study has shown that poetonyms, acting as a "filter" of their listeners, are able to reveal a whole layer of "beyond-the-text" information about the historical past and current topical problems of Russian society. As a result of the analysis, the following main functions of poetonyms in rap texts have been determined: text-generating, expressive, integrating, creative, symbolic. Having linguistic and cultural potential, poetonyms determine the aesthetic quality of rap texts, and also ensure its inclusion in the context of national Russian culture.

Keywords: rap text, onomasticon, poetonym, function, pragmatics

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. Рэп-тексты, являясь частью современной словесной культуры, становятся объектом исследования современной лингвистики. Рэп-тексты отражают различные способы конструирования внеязыковой, объективной действительности, в которой существует современная молодёжь. В связи с этим анализ

рэп-текстов позволяет описать значимый фрагмент картины мира сегодняшнего дня.

Ономастическое пространство рэп-текста представляет особый интерес для исследователя, так как оно позволяет, с одной стороны, выявить особенности языка субкультуры, а с другой стороны, увидеть динамические процессы, происходящие в современных художественных текстах и в современном русском языке. «Картографирование» ономастического пространства позволит определить коммуникативно-прагматический и лингвокультурологический потенциал поэтонимов в русскоязычных рэп-текстах.

Цель данного исследования – описать особенности функционирования поэтонимов в современных рэп-текстах. Материалом для исследования послужили рэп-тексты современных рэп-исполнителей Guf'a, Басты, Ноггано, Смоки Мо, Моргенштерна, Фейса, Типси Типа Рича и З. Прилепина, Noize MC, а также групп «25/17» и «Соль земли». Всего проанализировано 87 рэп-композиций.

История вопроса. В отечественной лингвистике на этапе первых двух десятилетий XXI века сложился корпус исследований, в которых рэп-тексты служат, как правило, источником иллюстрации тех или иных активных языковых процессов, в основном в сфере лексики. К числу таких исследований могут быть отнесены: диссертация Т.П. Кожелупенко «Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп-текстах» [Кожелупенко, 2009], диссертация А.А. Колесникова «Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры» [Колесников, 2014], статья Ф.Я. Хабибуллиной и И.Г. Ивановой «Тексты песен рэп как отражение основных способов обогащения лексики современного французского языка» [Хабибулина, Иванова, 2014], статьи Г.Р. Ганиевой, Р.С. Гараевой и др. «Социально-маркированные сленгизмы в англоязычной рэп-лирике» [Ганиева, Гараев, Славина, 2017], «Англо-американизмы в русскоязычной рэп-лирике» [Гараева, Ганиева, Мисбахова, 2017].

Жанровые особенности рэп-текстов, определяющие специфические механизмы текстопорождения и обуславливающие активные и динамические процессы в области русского языка, остаются также не до конца изученными (в частности об этом свидетельствуют результаты научного обзора в работе [Грудева, Дивеева, 2021]). Для решения задач данного исследования необходимо охарактеризовать некоторые черты жанра рэпа, которые связаны с активным использованием имён собственных в рэп-текстах.

В работе Т.В. Шмелевой «Рэп-текст как новая реальность русской словесной культуры» выделены такие черты рэп-текстов, как: автобиографичность, исповедальность, лингвоцентричность и острота социального чувства реагирования на происходящие события в современном обществе [Шмелева, 2010]. Указанная характеристика русскоязычных рэп-текстов обуславливает употребление в них

большого количества имён собственных. Автобиографичность и исповедальность рэп-текстов может быть связана с использованием антропонимов и топонимов, актуализирующих важность для конкретного рэп-исполнителя представления о памятных встречах и местах в его жизни. Кроме того, антропонимы и топонимы участвуют в создании фрагмента мира как единого «субкультурного», так и национального и/или регионального пространства. В работе В.К. Андреева «Город в номинациях и текстах (на материале молодёжных субкультур г. Пскова)» рассматривается ономастикон рэперов в региональном аспекте [Андреев, 2012]. Изучая различные микротопонимические обозначения города Пскова, автор приходит к выводу о том, что «при вербализации данного фрагмента картины мира псковского неформала специфически субкультурное отходит на второй план, уступая место региональному» [Андреев, 2012, с. 128].

Острота социального чувства на происходящие события в современном обществе обуславливает в рэп-текстах употребление имён собственных как маркеров, репрезентирующих отношение рэп-исполнителей к современной истории, и как «конструкторов» семантической оппозиции «свой – чужой» в качестве конвенционального компонента жанровой модели протестной культуры.

В рэп-текстах имена собственные участвуют в создании рифмы (макароническая рифма), стилистических приёмов (неймдроппинг), в связи чем реализуется ориентация рэп-текста на языковое мастерство. В свою очередь лингвоцентричность оказывается связанной со стремлением рэп-исполнителей к языковому креативу. Это подтверждается проведённым исследованием Т.В. Шмелевой в работе «Русский рэп как пространство языкового креатива», где рассматриваются сценические псевдонимы российских рэп-исполнителей в аспекте одного из режимов креативности – многоязычия [Шмелева, 2013а].

Разнообразие встречающихся имён собственных в рэп-текстах связано с антропоцентрическим и диалогическим характером рэпа. Антропоцентризм русскоязычного рэпа обусловлен в целом отнесённостью рэп-текстов к художественным текстам, в которых в качестве универсальных концептов выступают лексемы *человек, время, жизнь* [Дивеева, 2021]. Наполняемость данных концептов именами собственными демонстрирует эрудицию рэп-исполнителей, их ориентированность в музыкальном, политическом мире, в мировой культуре. Диалогичность как текстовая категория репрезентируется в рэп-текстах в интертекстуальных включениях, среди которых особую группу составляют прецедентные имена. Совокупность этих поэтонимов представляет собой интертекстуальный тезаурус, который играет важнейшую роль в раскрытии особенностей языковой личности рэп-исполнителя.

Перечисленные черты русскоязычного рэп-текста – автобиографичность и исповедальность, острота социального чувства, лингвоцентричность, антропоцентричность и диалогичность – дают теоретико-методологические основания для более детального исследования ономастического пространства рэпа.

Методология и методика исследования. В своём исследовании мы идём вслед за Т.В. Шмелевой, понимающей ономастическое пространство предельно широко: это «часть действительности, отмеченная именами собственными» [Шмелева, 2013б, с.

10]. В силу того, что рэп-тексты являются художественными текстами, ономастическое пространство в рэп-текстах является частью художественной действительности.

В качестве родового понятия ко всему ономастическому пространству русского рэпа мы будем использовать понятие «поэтоним». Использование термина «поэтоним» обусловлено художественной природой рэп-текстов. Под поэтонимом мы понимаем онимы, объекты-знаки, созданные в творчестве художника. В ономастическом пространстве текста поэтонимы обозначают объекты и имена, представляющие собой как реальное, так и ирреальное пространство. Стоит отметить, что в рэп-текстах наименования, созданные самими рэп-исполнителями и не соотносящиеся с реальными объектами и именами действительности, являются единичными случаями (например, *станция Ро* – в рэп-текстах Типси Типа).

Функциональная роль поэтонимов сближена с прецедентными текстами и заключается в том, что они «вмещают в себя в свёрнутом виде богатые возможности для раскрытия, развертывания широкого круга познавательного и эмоционально-оценочных аспектов, содержащихся в прецедентном тексте, служат показателем готовности языковой личности – говорящего (автора) и слушающего (читателя) – в любой момент осуществить такое развертывание <...> Однако пути к полному превращению в метафору у них различны [Караулов, 1987, с. 225]. Продолжим мысль, высказанную Ю.Н. Карауловым, и отметим, что поэтонимы позволяют «компрессировать» содержание той информации, которая передаётся в рэп-текстах, участвуя тем самым в создании подтекста, понимание которого зависит от знания претекста слушателем рэп-текста. Понятие поэтонимов позволяет учитывать контекст, в котором функционируют онимы в рэп-текстах. В связи с этим при характеристике поэтонимов могут выделяться дополнительные значения онимов. В этом отношении в художественных текстах особой функцией поэтонимов становится символическая функция, в том числе обеспечивающая формирование новых стереотипов как в целом в контексте национальной культуры, так и в её части – в субкультуре.

В качестве однопорядковых элементов, образующих совокупность поэтонимов русского рэпа, используются термины «антропонимы», «топонимы», «эргонимы», «прагматонимы» и др.

В исследовании используется описательно-аналитический метод. При отборе анализируемых рэп-текстов и примеров, иллюстрирующих особенности функционирования поэтонимов в рэп-текстах, использовался метод сплошной выборки.

Цитаты из рэп-текстов приводятся в том виде, в каком они представлены на электронных ресурсах, посвященных текстам песен в стиле рэп; орфография и пунктуация сохранена.

Анализ материала. В ономастическом пространстве русскоязычных рэп-текстов оказываются представленными почти все выделяемые в научной литературе группы поэтонимов. Наименее распространёнными и единичными случаями среди перечисленных групп поэтонимов являются хрононимы, хрематонимы, космонимы, экклезионимы, геортонимы. В исследуемом материале не встретились группы имён собственных, обозначающих животный и растительный мир.

Наиболее разнообразную группу поэтонимов по количественному и качественному составу представляют собой антропонимы. При этом стоит отметить, что в рэп-текстах обнаруживается стремление к единичности употребляемого антропонима, то есть в составе конкретного текста они, как правило, не повторяются. Исключениями являются имена лирических персонажей и самонаименования рэп-исполнителя в отдельно взятом рэп-тексте. Особенности самонаименования как части ономастического пространства рэп-текстов подробно рассматривались в уже упоминаемой нами работе [Шмелева, 2013а]. В связи с этим останавливаться на анализе сценических псевдонимов рэп-исполнителей мы не будем. Отметим только те функции, которые в рэп-текстах выполняет самоименование. Во-первых, это маркетинговая (в том числе и имиджевая) функция, которая обеспечивает «продвижение» рэп-исполнителя в музыкальной сфере. Во-вторых, самонаименование необходимо по причине того, что в рэп-тексте как в аудиотексте заглавие композиции и наименование автора часто включаются в сам текст. Тем самым в рэп-текстах часто нарушается последовательное знакомство с его структурно-композиционными элементами. В-третьих, само наименование может выполнять игровую функцию, что особенно актуально в жанре рэп-батла.

Перейдём к характеристике имён лирических персонажей в рэп-текстах. На основе анализа рэп-текстов невозможно выделить какое-то одно типичное имя лирического субъекта, свойственное этой субкультуре. В большинстве случаев имя лирического персонажа не характерно для рэп-текстов в силу того, что рэп-тексты являются автобиографичными. В связи с этим лирический персонаж часто оказывается не автономен от личности автора или является продуктом трансформации лирического героя. Это отмечается в монографии В.В. Дрок «Проблема повествователя в русском рэпе: «МС, в отличие от писателя и поэта, автоматически становится героем созданных им текстов» [Дрок, 2020, с. 7].

Тем не менее имена собственные, выполняющие сюжетообразующую функцию в рэп-текстах, встречаются: у Ноггано – это *Вася, Антон Пальчиков*; у Смоки Мо – *Патрик, Герман, Антон*; у группы «25/17» – *Иван*; у Артёма Саграды – *Федя (Достоевский)*, у Оксимирона – *Марк*. Интересно, что в рэп-текстах женские имена в качестве сюжетообразующих встречаются реже, лишь для некоторых рэп-исполнителей они оказываются актуальными, в частности для таких рэп-исполнителей, как: Василий Вакуленко (Баста, Ноггано, Нинтендо): *Лена, Полина, Верочка, Мисс Низ, Guf: Ориджинал Ба (Тамара Константиновна)*, Оксимирон – *Алиса, Кира*. Некоторые антропонимы становятся для субкультуры прецедентными, что связано с использованием их в качестве эвфемизмов (*Мария Ивановна*). Отметим, что в рэп-текстах, как правило, сюжетообразующими и вынесенными в заглавия являются нарицательные имена, именующие человека (Хаски «Хозяйка», Ноггано «Зять», Рич и З. Прилепин «Пацан» и др.), имена собственные, антропонимы, корпус которых достаточно репрезентативен, выполняют другие задачи.

Антропонимы создают контекст «автобиографического Я», для которого важно помнить собственную жизнь и, соответственно, те имена, которые её «наполняют». Репрезентативность корпуса имён собственных позволяет говорить о таком стилистическом приёме в рэп-текстах, как неймдроппинг (см. об этом в работе

[Карпушкин, Шмелева, 2018, с. 118]). В качестве примеров можно привести следующие тексты, где действие этого приёма представлено наиболее ярко: Баста и Guf «Личное дело», Guf «Как это было давно», группа «Лёд 9» (они же – «25/17») «Тотальный лёд девять». Использование большого количества антропонимов характерно в том числе и для рэп-батлов: там преимущественно встречаются имена отдельных рэп-исполнителей и/или названий рэп-групп (см., например, Versus Battle от 13/08/17 Oxxxymiron vs. Слава КПСС).

Антропонимы обеспечивают интертекстуальные связи рэп-текстов с контекстом национальной культуры. Наиболее актуальными среди антропонимов оказываются **имена политических деятелей** (*Панчо Вилья, Пиночет, Фидель Кастро, Эрнесто Че Гевара, Садам Хусейн*), **музыкантов** (*Боб Марли, Курт Дональд Кобейн, Тупак Амару Шакур, Вячеслав Бутусов, Константин Кинчев, Егор Летов*). Также представлены **библейские и мифологические имена** (*Авессалом, Каин, Зевс*), **имена писателей** (*А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский*), **художников** (*Рембрандт*), **деятели криминального мира** (*Аль Капоне*).

Другой распространённой группой поэтонимов являются топонимы, среди которых доминируют урбанонимы. Это обусловлено в целом отнесённостью рэпа к городской культуре. Приведём примеры урбанонимов из рэп-текста «Живым» группы «25/17» (обновлённая версия трека группы «25/17» «В городе, где нет метро»): *Радиалка, Старбакс, Кофе Бин*. В контексте трека данные урбанонимы выступают маркерами *своего* знакомого пространства, которое связано с положительными и приятными моментами времяпрепровождения в городе: люди покупают кофе по пути на работу, приходят работать в кофешопы, ходят туда на дружеские и романтические встречи. Этим урбанонимам противопоставлен топоним *Америка* (в контексте – *это не Америка*), который выражает негативную оценочность и служит маркером пространства, в котором городская среда оказывается враждебной. Это противопоставление *своего* и *чужого* пространства поддерживается в рэп-тексте поэтонимами другой группы, антропонимами: *Люцифер, Джонни Блэйз*. Первое имя «открывает» текст, а второе используется по завершении трека. Между именами *Люцифер* и *Джонни Блэйз* (персонаж комиксов и фильмов о «Призрачном Гонщике») возникает ассоциативная параллель, основанная на их соотнесённости с понятием «огонь»: Люцифер низвергнут в огненный Ад, Джонни Блэйз лишён души и постоянно находится в огне.

В рэп-текстах топонимы, как правило, являются биографическими и отражают эмоционально-психологическое состояние лирического Я. Кроме того, топонимы служат актуализаторами диалога со слушателем, участвуют в создании непринуждённого и часто исповедального характера повествования. В качестве ярких примеров можно привести два рэп-текста – Басты и Смоки Мо «Каменные цветы» и Guf'a «Дóма». Первый текст является более лиричным (рефрен рэп-текста представляет собой фрагмент музыкальной композиции Е. Ваенги «Маленький, северный рай...»). В этом тексте используется большое количество топонимов, не только создающих пространственную картину Санкт-Петербурга, но и дающих ему темпоральную характеристику. С помощью таких наименований, осложнённых постпозитивным адъективным распространителем, как: *Петроград – царский,*

Ленинград – блокадный, Питер – бандитский, – фиксируется историческое прошлое Санкт-Петербурга. Перечислим топонимы, которые встречаются в рэп-тексте Басты и Смоки Мо «Каменные цветы»: *маленький Северный Рай, Питер, Дыбенко, Невский, Санкт-Петербург, улицы Купчино, Васильевский Остров, Финский залив, Московский вокзал, хоккейный СКА, сине-бело-голубой Зенит, Кресты, Крепость Петра и Павла, зимний крейсер «Аврора», чайная на Рубинштейна, Марсово поле, Вечный Огонь, Спас на крови, Пулковое, Невские берега, центр на Марата, на Кухню к Марту и Фьюзу*. Топонимические единицы могут являться метафорическими наименованиями (*маленький Северный Рай*), включаться в состав объекта сравнения (*Чайная на Рубинштейна ортодоксальна, как фальшивый раввин*) и «лозунговых» выражений (*Питер For life*), участвовать в создании стереотипного представления о пространстве Санкт-Петербурга (*на шумном Невском, суровые улицы Купчино*), а также в создании языковой игры (*...но Василий вплавь /Доберется к тезке Васильевский Остров.../*). Всё это в совокупности служит средством выражения экспрессии и приёмом создания определённого мифопоэтического пространства «городского» текста.

Стоит отметить синкретичный характер некоторых наименований: *хоккейный СКА, сине-бело-голубой Зенит, Вечный Огонь* – данные эргонимы и идеоним включаются в перечислительные ряды с топонимами. Согласно принципу монтажности рэп-текста создаётся такая картина, будто наблюдающий перемещается по городу и из разных точек своего местоположения фиксирует то, что видит. Но очевидным становится то, что в конце первого куплета лирический герой только вылетает из аэропорта «Внуково», поэтому все топонимические объекты, перечисленные ранее, были лишь его воспоминаниями – это ожидание встречи с Санкт-Петербургом. Во втором куплете, который исполняет Смоки Мо, актуальными в создании топонимического пространства оказываются антропонимы, они характеризуют личное отношение рэп-исполнителя к своему родному городу – Санкт-Петербургу – как более чувственное, интимное.

В рэп-тексте Guf'a «Дóма» создаётся топонимическое пространство Москвы: *Яуза, Кузня, к Ленину на Красную площадь, от Мавзолея, район ZM, От Рамстора, мимо «Ням-Ням», улицы Moscow*. В тексте представлено и топонимическое пространство России (в третьем куплете, который исполняет Ориджинал Ба, бабушка Guf'a): *Москва, Калуга, Коломна, Кострома, Нижний Новгород, Тагил*. Встречается в тексте и топоним *Китай*: с одной стороны, как обозначение места, имеющего особое значение в биографии рэп-исполнителя, с другой стороны, как «сквозная» тема рэп-текстов Guf'a. Важным в перечисленном списке примеров оказывается топоним *ZM*, являющийся сокращением от *Замоскворечья*. Многие рэп-тексты Guf'a посвящены этому московскому району, который значим и в целом для русской классической литературы. Отметим, что именно эта топонимическая единица была в своё время переосмыслена: по аналогии с зарубежной «идеей хип-хоп нации» для русскоязычной аудитории слушателей рэпа возникла идея «ZM Nation». «ZM Nation» – это название субкультурного (музыкального и культурного) лейбла, особенно популярного в период 2010 – 2013 гг., основатель – Алексей Долматов (Guf).

Общим в функционировании антропонимов и топонимов является то, что они служат средством прямой номинации семантической оппозиции *свой – чужой*, которая

в свою очередь есть конвенциональный компонент жанровой модели рэп-текстов. С этой целью наиболее активно поэтонимы используются в политизированных рэп-текстах, то есть в текстах, посвящённых социально острым проблемам современного российского общества. Так, например, в рэп-тексте «Записки Типси» вокруг поэтонимов *Запад* и *Морозов Павлик* формируется пространство чужих: *Толпа открыла рот, умами правит Запад, / Это тебе не Валик, / Это тебя не красит, / Но вижу, куда ведет меня мой навигатор, / Я не Морозов Павлик, не робот грязной мрази!* // В контексте представлено противопоставление мира *Запада* – *не-Западу*, формальным выражением которого становится отрицательная частица *не*. В данном примере нарицательное имя *валик* за счёт созвучия с именем *Павлик* переходит в разряд имён собственных. Данный процесс иллюстрирует один из приёмов создания речевой агрессии в рэп-текстах.

Чёткое противопоставление *своих* и *чужих* на уровне функционирования поэтонимов наблюдается в рэп-текстах Рича и Захара Прилепина, включённых в состав альбома «На океан» (2016). Пространство *своих* репрезентируют такие поэтонимы, как: *Медя, Миша (медведь), Иванов, Ва-Банкъ, Евразия, Бердан (винтовка)* и др. В качестве обозначений пространства *чужих* используются такие имена собственные, как: *Пикачу, Фейсбук, ЖЖ, Мерс, Мальдивы, Форбс, Аль-Джазир, Мадонна, Стив Джобс* и др.

Группа лексем, именующих *своих*, преимущественно представлена антропонимами (включая мифонимы), тогда как в группе лексем, именующих *чужих*, наравне с антропонимами используются прагматонимы – имена, соответствующие маркетинговым реалиям «бренд», «торговая марка» и «рекламное имя» [Крюкова 2004]. В контекстах антропонимы, именующие *своих*, соотносятся часто с мифопоэтическим пространством, историческим временем. А прагматонимы, участвующие в формировании пространства *чужих*, напротив, создают негативную картину современной, часто сиюминутной и «продажной» жизни, жизни ради развлечений.

Часто вневременное и современное пространство жизни сталкивается, «контаминируется» в пределах одного высказывания: *Сожрали небосвод, сияют ярче Мальдив...//; Сожрали небосвод, сияют ярче Пальмир ...//* («Серьёзные люди»); *А по Невскому из Мордора из цоколя / Зомби думские, упоротые ...//* («Пацан»); *В Москве как на Луне и я похож на Незнайку («Столица»)*. Данные примеры иллюстрируют, как топонимические единицы включаются в состав метафор и сравнений, выполняя символическую функцию. Топонимические единицы *Мальдивы, Пальмира, Мордор* становятся важными с точки зрения передачи набора ассоциаций, возникающих у слушателя при восприятии текста. Так, например, форма множественного числа родительного падежа лексемы *Пальмира* отражает процесс перехода имени собственного в нарицательное (хотя графически это не фиксируется), который связан, с одной стороны, с общей тенденцией, прослеживаемой в рэп-текстах, – снижение высокого, а с другой стороны, с актуализацией имплицитной информации (представление о Пальмире как о Священной земле и о повторяемости военных конфликтов, аналогичных ситуации в Сирии).

Имена собственные в качестве обозначения групп лиц употребляются в рэп-альбоме при характеристике *своих*: *Иваныч, проснувшись, прохрипел "ох-ох" / На волками погрызанный старый матрас; Мы знаем за что щупают Маню, / Знаем, что она любит рэпак* («Тебе понравится»). С этой целью могут использоваться и топонимы: *У дикарей сегодня празднество, / Наша Евразия проставится. / Ты приезжай, тебе понравится...//* («Тебе понравится»). Лексемы, составляющие наименования *чужих*, представлены преимущественно именами конкретных людей или нарицательными именами (например, словосочетание с нарицательным именем: *серьёзные люди*).

Пространством *чужих* в рэп-текстах Рича и З. Прилепина часто становится Москва: *Узбеки за окном, как евреи в Египте, / Без прораба Моисея им никуда не выйди...//; Все дороги ведут в мир Moscow City ...//* («Столица»). Во втором примере негативный контекст создаётся при помощи употребления англоязычного наименования международного делового центра «Москва Сити» в качестве переноса по типу «часть – целое»: лексемой *Moscow City* характеризуется всё пространство Москвы как столицы России. Кроме того, *Все дороги ведут в мир Moscow City* – это квазицитата, переосмысленное интертекстуальное включение известного выражения: *Все дороги ведут в Рим*. Данная квазицитата участвует в создании трагико-ироничного пафоса и выражает авторское отношение к описываемому в рэп-тексте.

Иногда имена собственные оказываются «двусмысленными»: это те случаи, когда поэтонимом именуется человек, равно относящийся как к *своим*, так и *чужим*. В качестве примера можно привести мифоним *Медея*: *Тут с медей редко снимают намордники ...//* («Тебе понравится»). Из мифологии мы чётко представляем себе, кто такая Медея, трагичность её судьбы и, по идее, мифоним должен маркировать западноевропейскую цивилизацию, соответственно, в контексте рэп-текста – пространство *чужих*. Но мы наблюдаем другую картину: мифоним *Медея* выбран для обозначения русских женщин. Тем не менее мифоним фиксирует не авторское отношение к русским женщинам, а отношение западной цивилизации (поэтому употребляется в форме множественного числа и его графическое обозначение – написание со строчной буквы – *медей*). Всё это в совокупности говорит о том, что мифоним имеет «синкретичный» характер: с одной стороны, это маркер *чужих* для обозначения нас, *своих*, с другой стороны, этот мифоним используется в качестве сарказма автора по поводу бесправности русских женщин.

Для рэп-текстов характерно использование многоязычной лексики, преимущественно английской. Отмечено, что «отрицать действие американского «фермента» в русском рэпе было бы нелепо, однако признать его своеобразной «калькой» американского – не согласится никто», объясняя это в частности тем, что рэп как жанр имеет креативную природу [Шмелева, 2013а, с. 177]. Соглашаясь с тезисом о многоязычии как особом режиме креативности, отметим, что в рэп-текстах многоязычными лексемами являются, как правило, имена собственные, относящиеся к группе прагматонимов. Употребление прагматонимов связано не столько с ориентацией рэп-исполнителей на подростковую аудиторию, которой хорошо известны марки дорогих машин, дорогой одежды и дорогого алкоголя, сколько с трансляцией конкретными рэп-исполнителями определённой ценностной картины мира, часто имеющей «пропагандистский» характер. Речь идёт преимущественно об

исполнителях «новой» школы (период с 2015 г. по н.в.: Фэйс, Скриптонит, Элджей, Моргенштерн и некоторые др.), чьё творчество часто вызывает сильную негативную реакцию в метатекстовом пространстве рэп-культуры и порицание, осуждение со стороны общества (см., например, историю о «Письме Элджею» от имени матери погибшей от наркотиков девушки, оказавшейся литературным вымыслом; выпуски «Бесогона» Н.С. Михалкова, в частности «Деньги не пахнут»; выпуски З. Прилепина «Уроки русского»).

Анализировать рэп-тексты данных исполнителей мы не будем, перечислим лишь некоторые примеры имён собственных, которые активно «кочуют» из одних текстов «новой школы» в другие: **марки машин** – *Cadillac, S63 AMG, V u S* (модели автомобилей компании Mercedes-Benz), *Benz, Lambo' или Ferra', Rolls-Royce или Royce-Rolls*; **аксессуары** – *bag LV* (сумка Louis Vuitton); **бренды одежды** – *Chanel, Louis, Конверсы, Вансы, Supreme/Суприм, Skechers, Пэлэс, Раф* и др. Имена собственные, связанные с успешной и дорогой жизнью, часто функционируют в составе интертекстуальных включений. Эти интертекстуальные включения являются «внутренними», то есть субкультурными: *Как дела? Как дела? / Это новый Cadillac...//* (Моргенштерн, Элджей «Cadillac») – заимствование из трека Славы Мэрлоу: *Как дела? Это новый кадиллак / Не до тебя, я еду отдыхать...//* В контексте перечисленные выше прагматонимы создают прагматическое и материалистическое представление у молодого поколения об успешной жизни, в целом не свойственное русской культуре. Часто эти прагматонимы «овеществляются» в клипах этих же рэп-исполнителей и имеют под собой реальное основание. Так, например, Моргенштерн перед выходом трека «Cadillac» купил себе Cadillac Escalade, стоимостью примерно в семь миллионов рублей. Всё это оказывает ещё большее негативное влияние на ценностные ориентиры и установки современных подростков.

В завершение проведённого анализа отметим, что ономастическая «карта» русского рэпа не исчерпывается всеми приведёнными в данной статье примерами. Функционирование каждого вида поэтонимов может стать предметом отдельного исследования.

Результаты анализа. В ходе анализа была дана характеристика поэтонимов как функционально-семантических знаков в рэп-текстах. В статье были классифицированы и описаны основные группы поэтонимов, встречающихся в рэп-текстах. Состав поэтонимов разнообразен и представлен различными видами. Наиболее частотными являются антропонимы, топонимы и прагматонимы. Было показано, что данные виды поэтонимов участвуют в создании тропов (метафор, сравнений), стилистического приёма (неймдроппинга), организуют семантическую оппозицию «свой – чужой». Поэтонимы фиксируют образы, символы и стереотипы, актуальные для современных рэп-исполнителей. В рэп-текстах за использованием поэтонимов скрывается целый пласт фоновых и метатекстовых знаний. Слушателю проще опознавать поэтонимы, так как имя собственное предполагает целый комплекс «надындивидуальных» и индивидуальных ассоциаций (по сравнению с аллюзиями, квазичитатами и пр.). Поэтонимы могут выступать в роли «фильтра» своих слушателей, которые определяют для себя *свои/чужие* тексты. Например, для одних слушателей более интересным является представление рэп-исполнителя о музыкальном мире субкультуры (Guf), для

других – о социально-политической позиции рэп-исполнителя (Типси Тип, группа «25/17»).

Функционирование различных групп поэтонимов в рэп-текстах обусловлено как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими факторами. Так, использование в рэп-текстах урбанонимов обусловлено отнесённостью рэпа к типу городских культур.

Употребление прагматонимов связано не только с происхождением рэпа (как «вторичного» жанра по отношению к афроамериканскому рэпу) и в связи с этим с его «подражательным» характером, но и в целом с многоязычием как режимом креативности, а также с прагматическими и имиджевыми установками отдельных рэп-исполнителей.

Функционирование антропонимов и топонимов в составе тропов (метафор и сравнений), как правило, иллюстрирует общую тенденцию в рэп-тексте – стремление к стилистической сниженности. Общая установка рэп-исполнителя на эксперимент обуславливает использование антропонимов в качестве средства языковой игры, а также как компонента макаронической рифмы. Само разнообразие групп поэтонимов обусловлено лингвоцентричностью рэп-текстов. Доминирование антропонимов связано с антропоцентричностью и диалогичностью рэп-текста.

Таким образом, в рэп-текстах поэтонимы выполняют ряд функций: а) текстопорождающую – активизируют в сознании слушателя пласт «затекстовых» знаний и обеспечивают наполняемость семантической оппозиции «свой – чужой», являющейся в свою очередь конвенциональным компонентом жанровой модели рэп-текста; б) экспрессивную — используются в качестве выражения речевой агрессии; в) интегрирующую – создают стилистическое единство текста, г) креативную – служат средством языковой игры; д) символическую – входят в состав различных тропов, интертекстуальных включений, являясь «экономным» средством номинации.

Выводы. Проведённый анализ доказывает, что в пространстве русскоязычного рэпа существует большое разнообразие имён собственных, которые: а) выполняют в текстах определённые коммуникативно-прагматические задачи; б) создают эстетику как отдельного рэп-текста, так и в целом всего жанра рэпа; в) обеспечивают вхождение рэп-текстов в состав национальной культуры.

В рэп-текстах коммуникативно-прагматический потенциал имён собственных заключается в том, что они репрезентируют совершенно определённые взгляды на современную жизнь. Фрагмент картины мира, транслируемый рэп-текстами, представляет собой биполярный мир – для одних рэп-исполнителей доминантой оказывается материальная, прагматичная культура, для других – доминантной остаются духовные ориентиры.

Анализ ономастикона доказал необходимость дальнейшего изучения имён собственных в русскоязычных рэп-текстах. Современные рэп-тексты интересны не только с точки зрения их жанрового своеобразия, то есть коммуникативной природы, но и в аспекте их лингвокультурологического потенциала. Современную словесную культуру, в том числе и рэп-тексты, необходимо рассматривать как средство культурного кодирования национального языка, что оказывается особенно актуальным в современных социокультурных условиях и в свете их влияния на ценностную картину мира «наивного» носителя русского языка.

Литература

- Андреев, В. К. (2012). Город в номинациях и текстах (на материале молодежных субкультур г. Пскова). *Вестник Орловского государственного университета*. 2 (22), 125–128.
- Ганиева, Г. Р., Гараева, Р. С., & Славина, Л. Р. (2017). Социально-маркированные сленгизмы в англоязычной рэп-лирике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3 (69), Ч. 1, 73–76. Тамбов: Грамота.
- Гараева, Р. С., Ганиева, Г. Р., & Мисбахова, А. Г. (2017). Англо-американизмы в русскоязычной рэп-лирике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3 (69), Ч. 2, 82–84. Тамбов: Грамота.
- Грудева, Е. В., & Дивеева, А. А. (2021). Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов. *Научный диалог*, 9, 74–97. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97
- Дивеева, А. А. (2021). Концепты «человек», «время», «жизнь» и способы их репрезентации в русскоязычных рэп-текстах. *Litera*. 5, 198–206. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.5.35524
- Дрок, В. В. (2020). *Проблема повествователя в русском рэпе*. Москва, Берлин: Директ-Медиа.
- Караулов, Ю. Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Карпушкин, В. Г., & Шмелёва, Т. В. (2018). Не путай комическое и каноническое: креатив на равном месте. *Лингвистика креатива-4*, 104–135. Екатеринбург.
- Кожелупенко, Т. П. (2009). *Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп-текстах*: Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Колесников, А. А. (2016). *Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Крюкова, И. В. (2004). *Рекламное имя: от изобретения до прецедентности*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Хабибуллина, Ф. Я., & Иванова, И. Г. (2014). Тексты песен рэп как отражение основных способов обогащения лексики французского языка. *Альманах современной науки и образования*, 4 (83), 172–175. Тамбов.
- Шмелева, Т. В. (2010). Рэп-текст как новая реальность русской словесной культуры. *Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции*, Т. II, 158–163. Псков.
- Шмелева, Т. В. (2013а). Русский рэп как пространство языкового креатива. *Лингвистика креатива*, 176–193. Екатеринбург.
- Шмелева, Т. В. (2013б). *Ономастика*. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани.

References

- Andreev, V. K. (2012). The city in nominations and texts (based on the material of Pskov youth subcultures). *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (22), 125–128. (In Russian)
- Diveeva, A. A. (2021). Concepts “man”, “time”, “life” and ways of their representation in Russian rap texts. *Litera*. 5, 198–206. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.5.35524 (In Russian)
- Drok, V. V. (2020). *The problem of the narrator in Russian rap*. Moscow, Berlin: Direkt-Media. (In Russian)
- Ganieva, G. R., Garaeva, R. S., & Slavina, L. R. (2017). Socially marked slangisms in English rap lyrics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (69), vol. 1, 73–76. Tambov: Gramota. (In Russian)
- Garaeva, R. S., Ganieva, G. R., & Misbaxova, A. G. (2017). Anglo-Americanisms in Russian rap lyrics. *Voprosy teorii i praktiki*, 3 (69), vol. 2, 82–84. Tambov: Gramota. (In Russian)
- Grudeva, E. V., & Diveeva, A. A. (2021). Linguistic and extralinguistic aspects of study of modern Russian rap texts. *Nauchnyi dialog*, 9, 74–97. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97 (In Russian)
- Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and language personality*. Moscow. (In Russian)
- Karpushkin, V. G., & Shmelyova, T. V. (2018). Don't confuse the comic and the canonical: creativity is out of the blue. *Lingvistika kreativa-4*, 104–135. Ekaterinburg. (In Russian)
- Khabibullina, F. Ya., & Ivanova, I. G. (2014). Rap lyrics as a reflection of the main ways of enriching the vocabulary of the French language. *Almanakh sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 4 (83), 172–175. Tambov. (In Russian)
- Kolesnikov, A. A. (2016). *Linguistic features of the language of representatives of hip-hop culture*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. (In Russian)
- Kozhelupenko, T. P. (2009). *Slang as a means of subcultural coding in Modern American and Russian rap texts*: Dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg. (In Russian)
- Kryukova, I. V. (2004). *Advertising name: from invention to precedent*: Avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. Volgograd. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (2010). Rap text as a new reality of Russian verbal culture. *Russkaya rech v sovremennykh paradigmax lingvistiki: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, vol. 2, 158–163. Pskov. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (2013a). Russian rap as a space of linguistic creativity. *Lingvistika kreativa*, 176–193. Ekaterinburg. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (2013b). *Onomastics*. Slavyansk-na-Kubani: Izdatelskij centr filiala FGBOU VPO “Kubanskij gosudarstvennyj universitet” v g. Slavyanske-na-Kubani. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Аскерова, Э. М., Дивеева, А. А. (2022). Ономастическая «карта» русского рэпа. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 63–75. DOI: 10. 34680/VERBA-2022-1(3)-63-75

For citation:

Askerova, E. M., Diveeva, A. A. (2022). Onomastic map of Russian rap lyrics. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 63–75. (In Russian) DOI: 10. 34680/VERBA-2022-1(3)-63-75

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

№ 1(3) 2022